Проф. И. Д. ЛЕВИН

ВОЙНА И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ЕВРОПЕ

ГОСИЗДАТ УзССР
ТАШКЕНТ — 1948

ИНСТИТУТ ПРАВА АКАДЕМИИ НАУК СОЮЗА ССР

Проф. И. Д. ЛЕВИН

ВОЙНА И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ЕВРОПЕ

БИБЛИОТЕКА
Академии наук
СССР

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО УзССР
ТАШКЕНТ — 1943

EB_1943_AKS_896

Редактор *М. Грек*

Подписано к печати 4|I 1943 г. Р 8751. Печ. л. 3 1/8 по 62016 зн.
Автор. л. 4,8. Тираж 5000 экз. Цена 1 р. 50 к.

Ташкентская типография № 1. 1943 г. Заказ № 1760.

Значение национального вопрсса в освободительной войне против гитлеровской Германии

В Великой Отечественной войне с озверелыми гитлеровскими полчищами народы Советского Союза героически отстаивают свою свободную землю, свою национальную независимость и советскую государственность, вписывая новые славные страницы в историю русского, украинского, белорусского, латышского, литовского, эстонского, узбекского, азербайджанского, грузинского, армянского и других народов многонационального советского государства. Советские люди самоотверженно сражаются за свободу и честь своего отечества.

Фашистские «теоретики» прославляют захватнические войны, утверждая, что они, якобы, являются главным двигателем истории. Но история на каждом шагу опровергает эти утверждения. Народы всегда связывали возможность своего дальнейшего прогрессивного развития, возможность всякого движения вперед с защитой своей государственности против иностранных захватчиков и интервентов. Знаменательными вехами в этом отношении в истории русского народа являются — борьба против татарского ига, против немецких псов-рыцарей, против иностранных интервентов в начале XVII в., против объединенных французско-немецко-итальянских полчищ в 1812 г., против империалистической интервенции в 1918-1920 гг. и, наконец, величайшая в мировой истории битва против гитлеровских орд в 1941-1942 г.

В борьбе за национальную государственность народы России завоевывали и отстаивали условия и предпосылки для своего прогрессивного развития.

Национальная государственность является необходимой гарантией полнокровного и всестороннего экономического развития культуры и языка каждого отдельного народа, а следовательно, и человечества в целом, ибо в данных определенных исторических условиях жизнь общества невозможна иначе, как в национальной форме. Каково бы ни было содержание культуры, каков бы ни был классовый характер и экономическая структура общества — они не могут быть — в этих условиях — отвлечены от национальной формы, также как и сама нация, со своей стороны, не может рассматриваться обособленно от экономической, культурной и других общностей, являющихся ее необходимыми признаками.

Народы защищались против чужеземных захватчиков и завоевателей при любой классовой структуре общества. Эксплоатируемые массы феодального или буржуазного государства неоднократно имели возможность убеждаться на опыте в том, что иноземное завоевание не только не облегчает их положения, но, наоборот, означает усугубление социального гнета национальным, социального неравенства — национальным, системы социальных привилегий и ограничений — системой национальных привилегий и ограничений, больней всего ударяющих именно по трудящимся массам. Эти массы знали, что в лице чужеземных захватчиков — феодалов, помещиков и капиталистов — они имеют дело с самым беспощадным и неумолимым видом эксплоататоров, имеющим лишь один интерес: максимальное ограбление завоеванной страны и разгром ее культуры. Но вполне понятно, что наиболее мощный отпор оказывают чужеземным эксплоататорам трудящиеся массы социалистического общества, уничтожившего внутри своих государственных границ любые формы социального и национального гнета и неравенства, социальных и национальных привилегий и ограничений, общества, для кото-

рого иноземное владычество означает не только национальный гнет, но и реставрацию полностью ликвидированного социального гнета.

Как мы уже указывали, национальная государственность является необходимым условием экономического и культурного развития народов. Эта государственность может иметь различные формы. В условиях капитализма нормой национальной государственности является обособленное национальное государство. Капиталистическое многонациональное государство, раздираемое в большинстве случаев внутренними противоречиями, обычно является нежизнеспособным. В условиях социализма, означающего исчезновение противоречий между национальностями и устанавливающего между ними отношения братской, бескорыстной взаимопомощи, нормой независимой национальной государственности становится союзное многонациональное государство, объединяющее национальности на началах добровольного и равноправного союза, обеспечивающего национальную государственность и свободное национальное развитие каждого входящего в него народа. Это не исключает при особых условиях, и в частности при наличии демократического строя и отсутствия опасности агрессии извне, возможности относительного национального мира и развития национальностей и в рамках капиталистического многонационального государства. Такие условия в течение длительного времени имелись напр. в Швейцарии[1].

Всем этим объясняется то, что значение борьбы за государственную независимость особенно возросло со времени оформления и консолидации современных наций. Прогрессивный и справедливый характер национально-освободительных войн становится в этот период особенно отчетливым, ибо борьба за национальную независимость и объединение неразрывно связывается на этом этапе с борьбой против обветшалых социальных и политических форм, препятствующих как экономическому и культур-

[1] См. Сталин, „Марксизм и национально-колониальный вопрос", стр. 46.

ному развитию народов, так и их государственному объединению и национальной консолидации. Буржазно-демократические революции были в то же время и национальными войнами и восстаниями, обеспечившими сплочение современных европейских наций.

Европейские нации исторически складывались под влиянием развития капитализма в недрах феодального общества. Это значит, что развитие капитализма создало высокую степень национального экономического, языкового, территориального и культурного единства, вступившего в противоречие с феодально-абсолютистской надстройкой, сохранившей значительные элементы племенной раздробленности, провинциального партикуляризма[1] и различий в праве и управлении и препятствовавшей национальному объединению. Устранение этого противоречия могло быть, как правило, лишь результатом революции.

Этим объясняется то, что национальный вопрос играл такую значительную роль в европейских войнах и революциях 1789—1871 гг., в которых отдельные народы Европы завоевывали свою национальную государственность и единство. Этот вопрос продолжал играть значительную роль и в последующий период — в эпоху империализма. Ленин доказал, что в эту эпоху империалистическая экспансия и гнет ставят перед многими народами вопрос о борьбе за свое национальное существование и национальную независимость.

В войнах 1918-1920 гг. народы России отстояли свою независимость от иностранных интервентов, а угнетенные в прошлом национальности — в том числе и народы Средней Азии — при помощи великого русского народа впервые обрели свою национальную свободу и национальную государственность, которая обеспечила им условия быстрого расцвета производительных сил своей страны, на-

---

[1] Стремление отдельных частей государства к возможно большей обособленности, сохранению своих особенностей в ущерб общим интересам.

циональной культуры, завершения национальной консолидации. Таким образом величайшее прогрессивное движение нашей эпохи — социалистическая революция в СССР — определило также решение народами СССР и своих национальных проблем.

Итак, в каждую историческую эпоху борьба за национальную независимость и государсвенность сочеталась, как подчиненный момент, с прогрессивными задачами эпохи. Это открывало возможность использования национальных моментов и национальных лозунгов, находящих отклик в сознании широких масс, для осуществления этих прогрессивных задач.

Прогрессивной задачей переживаемого нами момента является непримиримая борьба с фашизмом вплоть до его разгрома и уничтожения. Фашизм, бросив вызов народам, стал величайшим препятствием на пути развития человечества. Факт существования агрессивного кровожадного фашизма возлагает на народы тяжелое бремя вооружений, поглощающих добрую долю всего народного дохода. Фашистская агрессия создала угрозу свободе и существованию всех народов. Фашизм уничтожил завоевания рабочего класса и трудящихся масс захваченных им буржуазных государств и угрожает безопасности и самому существованию социалистического государства, воплотившего в жизнь величайшие идеалы человечества. Возможность дальнейшего движения человечества по пути прогресса, его экономического и культурного роста, возможность спасения человечества от деградации, от возвращения к состоянию дикости или варварства, от поголовного истребления целых народов зависит от удаления гнойного нарыва фашизма с тела современного человечества.

Эта задача полностью совпадает с задачей защиты народами своего национального существования и независимости, своей национальной государственности и территории, своей национальной культуры и национальных святынь, ставших объектом фашистского нападения и оскверняемых фашистскими вандалами. Фашистская война за мировое

господство и истребление народов заставила все народы мира, большие и малые, сильные и слабые, вполне суверенные и располагающие до сих пор ограниченным суверенитетом, вести национальную войну против чудовищной гитлеровской машины разрушения и насилия, за свое национальное существование, свои территории, национальные права.

Народы, борющиеся против гитлеризма, воодушевляются в борьбе патриотическими чувствами любви к родине, к своему народу, к своему национальному государству, к национальной свободе. Так национальные моменты сочетаются с прогрессивными задачами нашей эпохи.

Первое место среди народов, борющихся против гитлеризма за свое национальное существование и национальную государственность, занимают народы Советского Союза, ибо теперь «Дело идет... о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР, о том — быть народам Советского Союза свободными, или впасть в порабощение». Враг «ставит своей целью захват наших земель, политых нашим потом, захват нашего хлеба и нашей нефти, добытых нашим трудом. Он ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма, разрушение национальной культуры и национальной государственности русских, украинцев, белоруссов, литовцев, латышей, эстонцев, узбеков, татар, молдаван, грузин, армян, азербайджанцев и других свободных народов Советского Союза, их онемечение, их превращение в рабов немецких князей и баронов»[1].

В нынешней войне всем государствам и народам приходится иметь дело с реакционной и хищнической силой, покушающейся на самые основы их существования, угрожающей их национальным жизненным центрам, ставящей своей задачей закабаление и порабощение всего населения земного шара и истребление значительной его части.

Национальный вопрос поставлен войной как вопрос

---

[1] Сталин. Выступление по радио 3 июля 1941 года.

универсальный. Все народы оказались перед дилеммой: быть свободными, или впасть в порабощение, сохранить свое существование, или погибнуть.

Война доказала и подчеркнула со всей убедительностью важность правильных национальных взаимоотношений для дела мира. Значение национальных моментов полностью учитывается гитлеризмом, пытающимся использовать их в своих гнусных целях порабощения народов. Фашизм с первого дня своего появления маскирует эти цели интересами нации, «народной общности», он превратил понятие нации или народной общности в основной и центральный пункт своей «доктрины», имеющей задачей «обоснование» и «оправдание» антинародной фашистской диктатуры. Свою грабительскую, захватническую войну он выдает за войну национальную, якобы ведущуюся лишь в интересах национального самосохранения, прикрывая свои кровавые планы лозунгами национализма. Более того, фашизм пытается эксплуатировать в своих интересах национальные чувства не только своего, но и других народов — тех самых народов, для которых он кует цепи рабства, преследуя цель разобщения народов, разжигания между ними вражды для того, чтобы бить их порознь.

Однако и «теория» и практика фашизма разоблачают лживость и лицемерие фашистской демагогии вокруг национального вопроса. Национальный вопрос имеет огромное значение в деле организации освободительной антифашистской борьбы и организации Европы и всего мира после войны. Силы агрессии должны быть лишены в дальнейшем возможности использования национальных моментов в своих человеконенавистнических целях. Правильное разрешение национального вопроса является необходимой предпосылкой, гарантией и компонентом прочного, длительного мира.

Общая характеристика национального вопроса в Европе

К моменту начала военной агрессии гитлеровской Германии по всей западной Европе было немало узлов национальных противоречий. Для того, чтобы разобраться во всем этом комплексе сложных вопросов, необходимо выявить их глубокие исторические корни, их общие тенденции.

Тенденцией последних десятилетий XIX столетия и первых десятилетий XX столетия была полная или частичная эмансипация славянских народов Центральной и Юго-Восточной Европы, веками находившихся под германским, мадьярским и оттоманским господством. Наибольшее историческое значение имело приостановление германской экспансии в славянских землях.

Веками продолжалось движение тевтонцев на восток. Оно проходило более или менее успешно до тех пор, пока огромная государственно-организованная масса феодального тевтонства имела перед собой разрозненные, неорганизованные, располагающие лишь слабыми зачатками государственности западнославянские племена. Но даже в этих условиях славяне беззаветно отстаивали свою независимость от тевтонских завоевателей. Еще в X веке немец Видукинд писал: «Они (полабские славяне), несмотря на все неудачи, предпочли войну миру и любезную свободу ставили выше всевозможных несчастий. И так пройдет много дней; мы будем с переменным успехом сражаться за славу и обширную власть, они же — за свободу, чтобы избавиться от рабской подчиненности»[1].

Результаты попыток организации и объединения полабских славян, предпринятых отдельными князьями, оказались недолговечными. Полабские славяне — самый западный форпост славянства — погибли в неравной борьбе. Их территория была полностью германизирована, а сами они истреблены или онемечены. На сплошной немецкой терри-

[1] Цит. по Селищеву. Славянское языкознание, 1940 г., ч. I, стр. 420.

тории остался лишь небольшой славянский остров в виде лужичан, или лужицких сербов, сохранивших до сих пор свой славянский язык и характер, несмотря на всяческие ограничения и преследования.

Но даже мощный напор германства не мог ликвидировать славян там, где они образовали более компактную и сплоченную массу. Несмотря на все неравенство в силах, чехи сумели в течение столетий отстоять свою государственность. Даже после победы у Белой горы в 1620 г. немцы не смогли уничтожить полностью эту государственность. Чешское культурное возрождение в первой половине XIX века, рост чешского населения в онемеченных было городах вдохнули новые силы в политическую борьбу чешского народа против германизации.

Германский напор остановился у границ крупных славянских государств. В Польше германский поток разбился на множество мелких ручейков, медленно просачивавшихся в города Западной Польши. Но после четвертого раздела Польши в 1815 г. западная окраина Польши (Поморье, Познань, Верхняя Силезия и Западная Галиция) осталась под немецким ярмом. Германский напор на Восток разбился о сопротивление русского народа еще в XIII веке (Ледовое побоище 1242 г.) и объединенного славянского русско-польско-чешского и литовского войска в XV веке (битва под Грюнвальдом 1410 г.). Тем самым славяне востока Европы отстояли свою независимость от германства.

Что же касается западных и южных славян, то к началу войны 1914-1918 гг. значительная часть их была подвластна германским государствам. В кайзеровской Германии жестокому угнетению подвергались, кроме лужичан, польское население Познани, Поморья (Западная Пруссия) и Верхней Силезии. Это преследование принимало формы насильственной германизации и колонизации (пресловутая «гаката»[1]) польских областей немцами.

---

[1] Гаката — общество для поддержания немцев в восточных провинциях, основанное Ганземаном, Кенеманом и Тидеманом, прозванное по начальным буквам имен своих основателей.

Австрии были подвластны чехи, словенцы, хорваты (в Далмации), поляки, украинцы. Здесь национальное угнетение приняло более «мягкие» формы. Это объяснялось, прежде всего, тем, что немецкое население Австрии, жившее в собственно Австрии и Судетах, представляло собою меньшинство, уступая по численности совокупности славян. В условиях мощного подъема национальных движений славян господствующая немецкая верхушка Австрии была вынуждена пойти на ряд уступок славянам в культурно-языковой области. Для сохранения своей власти эта верхушка вынуждена была прибегать к использованию и раздуванию разногласий между отдельными славянскими народами (поляками и украинцами в Галиции) или между славянскими народами и другими ненемецкими народами, например, славянами и итальянцами в Истрии. В этих целях приходилось расширять права отдельных славянских национальностей, предоставлять им привилегии за счет других. Кроме того, известную роль сыграли противоречия между прусскими и австрийскими правящими кругами. В борьбе против пангерманизма, стремившегося к опрусачению Австрии и вытеснению Габсбургов Гогенцоллернами, первые стремились опереться на славян. Делались попытки изобразить Австрию как славянскую державу. Надо учесть также умонастроения и культурно-бытовые установки австрийцев, не столь зараженных расовой спесью, относившихся более терпимо к славянам и менее шовинистически настроенных, чем пруссаки. Однако и более «мягкое» австрийское иго не могло не вызвать отпора со стороны созревших политически, экономически и культурно славянских народов.

В Венгрии жили словаки, карпато-украинцы, сербы, хорваты. За исключением хорватов, пользовавшихся довольно широкой автономией, все эти народы подвергались самой свирепой и беспощадной мадьяризации.

Разгром Германии и Австро-Венгрии в 1918 г. освободил славянские народы от немецкого ига во всех формах. Это выразилось в восстановлении Польши (тут огромную

роль сыграла Великая Октябрьская Социалистическая Революция, провозгласившая полную независимость Польши), в образовании Чехо-Словакии и Югославии. Славянские народы юго-востока и центра Европы обрели свою государственность. Это был огромный шаг вперед в развитии Европы, в разрешении ее национальных проблем. Это был факт кардинальной важности в развитии национальных взаимоотношений в Европе. Но германские шовинисты и империалисты не желали примириться с утратой господствующего положения германской нации в Центральной и Юго- Восточной Европе, поэтому-то они и завопили о наступлении эры «господства неполноценных», о вырождении Европы в результате ликвидации господства германских «культуртрегеров», якобы приобщивших славян к европейской культуре. Нельзя оспаривать, что некоторые западнославянские народы получили в свое время первоначальные элементы более высокой феодальной культуры от немцев, но столь же верно и то, что эти элементы сами германцы восприняли от своих, опередивших их в культурном развитии западных соседей, которые на таком же основании могли бы рассматриваться, как культуртрегеры в отношении «низшей» германской расы. Верно, что в порядке культурного взаимодействия славяне никогда не зарекались от восприятия ценных элементов, некогда имевшихся в германской культуре, но столь же бесспорно и то, что взаимодействие со славянами оплодотворяло и германскую культуру, что в ряде случаев славяне опередили немцев и оказали глубокое влияние на развитие их культуры. Достаточно сопоставить имена чеха Яна Гуса и немца Лютера, чеха Амоса Коменского и немца Песталоцци, поляка Коперника и немца Кеплера, чтобы в этом убедиться.

Несомненно, что завоевание своей национальной государственности открывало перед славянскими народами перспективы блестящего экономического и культурного расцвета. Об этом свидетельствовали успехи Чехо-Словакии и Югославии за короткий период их существования.

Именно это и вызывало особенно бешеную ярость германского империализма, нашедшую свое выражение в полных нечеловеческой злобы и кровожадности высказываниях Гитлера о славянах, как о «низкопробной массе рабов, размножающейся как насекомые» и подлежащей истреблению и порабощению. Недаром Гитлер объявил вытеснение и истребление славянских народов — русских, поляков, чехов, словаков, болгар, украинцев, белоруссов — необходимым условием создания великой германской империи. Он торжественно возвестил о возобновлении приостановленного 600 лет тому назад военного похода германства на Восток, стыдливо умолчав, при этом, что приостановление этого похода в свое время отнюдь не было добровольным, а было вызвано такими «неприятными» обстоятельствами, как Ледовое побоище, битва под Грюнвальдом и т. п.

В борьбе за восстановление и утверждение германского господства над славянством гитлеровская Германия пыталась использовать действительные или мнимые недостатки в послеверсальском распределении территорий, в способе создания национальных государств и взаимоотношениях в новых славянских государствах. Но, разумеется, гитлеровская Германия стремилась не к исправлению этих слабых мест, а, напротив, к ликвидации того положительного, что было в послевоенном порядке, к ликвидации независимости славянских народов и к установлению кошмарного режима рабства славян и неславян. Гитлеризм открыл новый поход против славянских и других народов всего мира, превзошедший по агрессивности и жестокости все прежние походы тевтонства.

Версаль не мог разрешить европейские национальные проблемы. На этом спекулировал германский фашизм в своих преступных целях.

Каждое из новых славянских государств объединяло не одну, а несколько славянских наций. В ряде случаев это было необходимо в целях сплочения небольших славянских национальностей и ограждения их независимости.

Но подобное сплочение могло стать реальным и прочным лишь в том случае, если бы все объединяемые государством национальности были поставлены на равную ногу, трактовались бы как вполне равноправные. На деле в ряде случаев господствующие классы более сильных наций использовали государственную власть в ущерб более слабым, проводя чрезмерную централизацию, игнорировавшую исторические особенности отдельных национальностей. Отсюда — известные трения между чехами и словаками, между хорватами и сербами и т. д., использованные германским фашизмом в целях ослабления и подрыва изнутри молодых славянских государств.

При проведении границ новых государств в ряде случаев допускались бо́льшие или меньшие отклонения от национального принципа. Эти отклонения в большинстве были в достаточной мере обоснованы экономическими, географическими и историческими соображениями, невозможностью раздробить единую в экономическом, географическом и историко-социальном отношениях территорию (например, невозможностью отделить Судеты от остальной части Богемии). Однако самый факт нарушения в некоторых случаях национальных границ был использован германским фашизмом для гнусной и лицемерной демагогии и манипулирования лозунгами национального самоопределения. Обходя щекотливый вопрос о немецком Южном Тироле, переданном Италии после войны 1914—18 годов, германский фашизм повел самую оголтелую античешскую и антипольскую пропаганду по вопросу о Судетах, польском коридоре и т. д.

Основной трудностью на пути решения всех национальных проблем в Европе как раз и было наличие германского империализма, угрожающего всем своим соседям, и раскинувшего свою агентуру во всех странах, используя при этом живущих в них немцев.

Известное значение в общем комплексе национальных проблем имел вопрос о национальных меньшинствах в собственном смысле слова, т. е. о национальных группах,

вкрапленных в инонациональное большинство, не занимая сплошной территории. Наиболее значительными меньшинствами в Европе были немецкое, еврейское и мадьярское.

Поскольку сами меньшинства, как не занимавшие сплошной территории, не могли выдвигать требования государственной самостоятельности или территориальной автономии, вопрос о национальных меньшинствах, сводившийся к обеспечению их культурных и экономических интересов и гражданского равноправия, как будто, не должен был представить серьезного политического характера. На самом же деле, этот вопрос приобрел большое политическое значение. Германия использовала немецкие национальные меньшинства как свою агентуру и свой форпост в странах Юго-Восточной и Восточной Европы, как главных проводников своего влияния, как орудие фашизации этой части Европы и установления в ней своего господства. Выдвигавшееся немецкими меньшинствами и поддерживавшееся Германией (в частности в ее выступлениях в Лиге Наций до 1933 г.) требование культурной автономии, безобидное на первый взгляд, имело своей задачей обеспечить наиболее благоприятные условия для выполнения немецкими меньшинствами этой задачи, и служило для обоснования их «права» на военный и экономический шпионаж и политические интриги в целях подрыва этих государств и их фашизации. Немецкими «теоретиками» была создана целая «школа» по национальному вопросу, развернувшая оживленную «теоретическую» деятельность по линии обоснования так называемой «культурной» автономии. Немецкая школа пыталась подвести «теоретическую базу» под политику усиления «культурных» связей Германии с «заграничным германством», требуя международно-правового узаконения надгосударственных национальных союзов, объединяющих национальные меньшинства с их «национальной метрополией», хотя бы пока лишь в области «культуры». Разумеется, это представляло лишь идеологическую подготовку осуществленного позднее насильственными методами политического объединения. Так, согласно Трамп-

леру[1] необходима полная легализация «культурных» связей между национальными группами одной национальности, в том числе между «национальной метрополией» и одноименными национальными меньшинствами в других государствах, независимо от государственной принадлежности. Сюда включается и свобода въезда и выезда в «образовательных» целях и свобода ввоза и вывоза предметов «национальной культуры» (книг, газет, фильмов, театральных постановок и т. д.) и, наконец, сверхгосударственное объединение органов, ведающих вопросами культуры по аналогии с международными хозяйственными картелями (т. е. крупными капиталистическими объединениями), создание высшего «культурного совета нации», как шага к «европейскому культурному федерализму». Этот совет должен был получить право издания обязательных постановлений для всех своих членов. Известно, что, отнюдь не дожидаясь этой международно-правовой «легализации», Германия создала подобную организацию — хотя отнюдь не для культурных целей — в виде Заграничного отдела национал-социалистской партии, имеющего свои организации во всех странах, используя при этом для связей с немецкими национальными меньшинствами в этих странах «дипломатических» представителей Германии. Игнорируя права государств, гитлеровцы рассматривали их граждан-немцев — как германских граждан, назначая из их числа депутатов в германский рейхстаг, и т. п.

Подлинный смысл этих «культурных» проектов выявился в 1939—1941 гг. после оккупации Германией стран Юго-Восточной и Восточной Европы, когда государства этой части Европы были либо полностью ликвидированы, либо превращены в вассалов Германии. Немецкие национальные меньшинства получили права, превратившие их в привилегированную касту. В Польше и Чехо-Словакии лишь немцы

---

[1] Трамплер. Государства и национальные общности. 1930 г. (на нем. языке).

EB_1943_AKS_896

были зачислены в разряд германских граждан, в то время как поляки и чехи составляют массу бесправного «туземного» населения, полностью лишенного прав гражданства. В вассальных странах (Венгрия, Румыния, Словакия, Хорватия) немецкое национальное меньшинство превратилось в государство в государстве, получив ряд особых политических привилегий, как-то: право вывешивания германского флага, помимо государственного, право иметь свою политическую партию при общем запрещении в государстве всяких политических партий, помимо правящей и т. п. Во всех этих случаях немецкое национальное меньшинство использовывалось как орудие подавления и порабощения национального большинства.

Вполне понятно, что независимо от своих общих установок в национальном вопросе, никакое правительство, дорожащее независимостью своей страны, не могло не отнестись с особой настороженностью к «невинным» требованиям немецких (отчасти аналогичный характер имели и требования мадьярских) меньшинств. Спекуляция Германии вокруг проблемы национальных меньшинств приводила к резкому обострению этой проблемы.

***

Наличие ряда неразрешенных национальных проблем питало в разных частях Европы довольно серьезные национальные движения, игравшие в политической жизни ряда стран, особенно в Польше, Чехо-Словакии, Югославии и Румынии, немаловажную роль. Движения, направленные на защиту ущемленных национальных интересов, не могли не захватить широкие массы, в первую очередь крестьянства, составляющего главную армию национальных движений. Но именно мелкобуржуазный социальный состав этих движений и их буржуазное руководство порождали постоянную опасность использования национальных движений в целях прямо им противоположных —

в целях установления в Европе гегемонии германского фашизма.

Неудивительно, что германский фашизм с самого начала обращает свое «благосклонное» внимание на национальные движения в различных европейских странах. Он ставит своей задачей подчинить эти движения своему влиянию и использовать их для ослабления и расшатывания тех государств, которые были избраны фашизмом в качестве очередных жертв его ненасытной агрессии.

Для достижения этой цели германский фашизм применял самые разнообразные методы. Он стремился насадить в партиях, издавна представлявших национальные движения, свою агентуру, захватить в них руководство, подчинить своему влиянию руководителей этих партий путем подкупа, щедрых посулов и т. п. Однако, как правило, национальные движения сумели сохранить свою самостоятельность от фашизма и распознать намерения гитлеровских агентов. Поэтому гитлеровцам пришлось прибегнуть и к другому способу, состоявшему в создании новых, национал-фашистских партий. Эти партии вступали в борьбу с основными партиями национальных движений в тех случаях, когда последние оказывались недостаточно податливыми фашистскому влиянию. Они стремились выхватить у старых партий руководство национальным движением и овладеть этим движением. Фашистские агенты при этом распределяли между собой роли. Одни из них проповедывали самые крайние «революционные» методы борьбы, применяли индивидуальный террор и открыто провозглашали сепаратистские[1] цели; другие всячески отмежевывались от сепаратизма и терроризма, расписывались в своей лойяльности, ограничиваясь лишь требованием частичных реформ. Эта коварная предательская тактика, изложенная Гитлером в его тайных беседах с Раушнингом, дала свои ре-

---

[1] Сепаратизм — стремление к отделению от данного государства.

зультаты в ряде европейских стран. Ее плоды были пожаты Гитлером в развязанной им мировой войне.

Ликвидация гитлеризма и самой возможности его возрождения, уничтожение гитлеровского государства и гитлеровской армии снимут после разгрома гитлеровской Германии главное препятствие на пути разрешения европейских национальных проблем. Справедливые границы, соответствующие принципам права наций на самоопределение с учетом необходимости предотвращения повторения агрессии, демократическая политика в отношении инонационального населения, включенного в состав государства, правильные взаимоотношения между национальностями в многонациональных государствах, объединяющих несколько славянских народов, широкое применение принципов федерации и автономии, прочный союз демократических государств, гарантии равноправия граждан, независимо от расы и национальности,— все это должно обеспечить урегулирование национальных взаимоотношений народов Европы в интересах прочного мира и благополучия европейских народов.

Спекуляция гитлеризма на национальном вопросе

Националистическая демагогия гитлеризма

В арсенале средств фашизма в его борьбе за господство демагогия, как известно, играет немаловажную роль. Фашизм возвел демагогический обман в принцип своей внешней и внутренней политики. Он не останавливается перед любым подлогом и фальсификацией, перед любой мистификацией для достижения своих целей. Так же как защиту капиталистического строя, господство капиталистических монополий и беспощадное подавление рабочего класса он проводит под маской «социализма», так и уста-

новление режима самого чудовищного и варварского национального гнета он прикрывает лозунгами «национального освобождения».

Известно, что в течение двух десятилетий гитлеровские планы мировой гегемонии маскировались безобидной формулой «исправления версальской несправедливости». Борьба за господство над миром прикрывалась фразой о праве германского народа на самоопределение. Невероятно, но факт, что до сих пор в так называемых «25 пунктах» программы так называемой национал-социалистской партии имеется ссылка на право нации на самоопределение! И это в программе партии, организующей неслыханные насилия над народами порабощенных Гитлером стран Европы, партии, не стесняющейся при других случаях устами своего вожака обливать грязью этот же самый принцип самоопределения наций!

Таким образом спекуляция гитлеризма на национальном вопросе начинается с самой Германии. Национальные лозунги ревизии Версаля и собирания немецких земель были использованы для создания массовой базы фашистской партии и завоевания поддержки в немецком народе. «Пока гитлеровцы занимались собиранием Германии, разбитой на куски в силу Версальского договора, они могли иметь поддержку германского народа, воодушевленного идеалом восстановления Германии»[1].

Поэтому среди национальных лозунгов гитлеровцев вначале главную роль играл именно лозунг ревизии версальского порядка, который в действительности должен был служить прикрытием и предлогом для того, чтобы навязать миру такие «порядки», которые не имеют по своей жестокости, по формам и методам национального угнетения аналогий в мировой истории.

Наиболее тяжелые для Германии условия Версальского договора и, в частности, вопрос о репарациях утратили

---

[1] Сталин. Доклад на торжественном заседании Моссовета 6 ноября 1941 г.

свою остроту, еще в 1932 г., когда этот вопрос был улажен в приемлемом для Германии смысле. Поэтому националистическая демагогия гитлеризма была сосредоточена вокруг вопроса о территориальных условиях Версаля и об «угнетении» немецких национальных меньшинств вне Германии.

Лицемерие этой демагогии и ее лживость совершенно ясны.

Во-первых, территориальные условия Версальского договора затрагивали территорию почти исключительно не немецкую ни по национальности, ни по языку населения, ни по истории. Познань, Польский коридор, отошедшая к Польше часть Верхней Силезии были, несмотря на вековую насильственную германизацию, областями с преобладающим польским населением. В Эльзас-Лотарингии население, правда, говорило в своем большинстве на германском диалекте и не было французским по своему этническому составу, но в силу различных исторических причин — и прежде всего под влиянием Французской революции 1789 г.— обособивших его от процесса национальной консолидации Германии и толкнувших на сближение с Францией, население Эльзас-Лотарингии тяготело к Франции и французской культуре, стало французским по своему национальному самосознанию, резко отличалось от немцев по психическому складу и не хотело иметь ничего общего с милитаристским и империалистическим «рейхом» (Германской империей). Известно, что присоединение в 1871 г. Эльзас-Лотарингии к Германии самим Бисмарком рассматривалось не столько в национальной, сколько в экономической и военно-стратегической плоскости. И недаром Эльзас-Лотарингия в самой Германии, несмотря на куцую автономию, которой она добилась спустя 40 лет после аннексии, так и не получила равноправного положения с прочими частями германской империи. В 1918 г. эльзас-лотарингский депутат рейхстага Эги охарактеризовал систему германского правления в Эльзасе как чужеземное господство. Подлинное отношение эльзасцев к герман-

скому господству нашло свое выражение в известном Цабернском инциденте, когда «... воспитанная на ряде французских революций демократия восстала против абсолютизма»[1].

Только Данциг и Саар можно было рассматривать как действительно немецкие области, но саарская проблема была решена уже в начале 1935 г. Что касается Данцига с его 400-тыс. населением, то во всяком случае он не находился в угнетенном положении; в таком положении скорее находилось преследуемое польское меньшинство в Данциге. Экономически Данциг полностью и целиком связан с Польшей как со своим естественным хинтерландом. Как известно, именно Данциг и был использован германским фашизмом как предлог для вторжения в Польшу в 1939 г.

Но лживость и лицемерие фашистской демагогии вокруг территориальных условий Версальского договора становятся особенно ясными на фоне гитлеровских высказываний о границах Германии 1914 г. Гитлер неустанно и с необычной для него откровенностью заявляет в «Майн Кампф» («Моя борьба»), что границы 1914 г. отнюдь не могут рассматриваться как цель национал-социализма и что возвращение этих границ отнюдь не удовлетворит национал-социалистов. Он не скупится на ругань по адресу тех, кто выдвигает в качестве идеала границы 1914 г. «Требование о восстановлении границ 1914 г.— это политическая ерунда... Они (эти границы) не были результатом продуманного политического действия, но временными границами... частичным последствием случайной игры». «Границы 1914 г. ничего не значат для будущего германской нации».

Таким образом с самого начала речь шла не об исправлении «несправедливости» версальского порядка и версальских границ, а об установлении нового порядка, новых

---

[1] Ленин, Соч., т. XVII, стр. 99.

границ, ничего общего не имеющих с доверсальскими границами.

Гитлеровские демагоги выдвинули требование объединения всех частей немецкого народа в единое государство. Гитлер претендовал на роль «собирателя немецких земель», завершителя национального объединения Германии, т. е. дела Бисмарка. Границы 1914 г. должны были быть преодолены якобы лишь там, где они расходились с этническими границами немецкого народа.

Прежде всего это относилось к территориям бывшей Австрийской империи, заселенным немцами. И эта националистическая демагогия могла принести известные плоды. «Пока гитлеровцы занимались собиранием немецких земель и воссоединением Рейнской области, Австрии и т. п. их можно было с известным основанием считать националистами»[1]. Эти требования могли получить поддержку среди населения самой Германии, которой они предвещали значительное расширение границ. Гораздо меньшей, однако, была их притягательная сила для немецкого населения самих «объединяемых» областей. В Австрии были живучи старые недоверие и неприязнь к северным, опруссаченным имперским немцам, а методы фашизма, разумеется, отнюдь не были способны рассеять эти чувства. Исторические традиции, экономические интересы, умонастроение, психический склад, разговорные диалекты и даже религия проводили резкую грань между австро-баварскими южными немцами и Пруссией. В пределах третьей империи Австрия стала национально угнетенной страной, хотя австрийцы и были причислены к господствующей немецкой нации, на основании чего их первыми бросают на самые опасные участки фронта. Германский капитал, во главе с концерном «Герман Геринг — Верке» наложил свою руку на всю экономику страны. Командные посты в администрации и армии заняты чиновниками и офицерами из имперских нем-

---

[1] Сталин. Доклад на торжественном заседании Моссовета 6 ноября 1941 г.

цев, в то время как австрийских солдат цепями приковывают к пулемётам; культурные особенности австрийцев искореняются под знаком «унификации» и т. д.

Гитлер ускорил оккупацию Австрии германскими войсками для того, чтобы предотвратить плебисцит, объявленный последним австрийским канцлером Шушнигом, так как этот плебисцит не предвещал ничего хорошего Гитлеру.

Другой бывшей австрийской территорией, заселенной немцами, были Судеты, входившие в состав Чехо-Словакии. Географически и экономически Судетская область составляла органическую часть Чехо-Словакии. Судетские немцы добивались автономии в пределах Чехо-Словакии, и фашистская агентура в Чехо-Словакии, партия Генлейна, не осмеливалась открыто выдвигать далее идущих требований. Требования отделения не были бы поддержаны массами немецкого населения, связанного многовековыми узами с Чехией. Объединение с Германией в экономическом отношении рассматривалось самими судетонемцами как катастрофа, ибо промышленность Судетской области выросла и развивалась с учетом интересов внутренних, более аграрных частей Чехо-Словакии и в случае присоединения к Германии теряла под собой всякую почву. Как известно, присоединение Судетской области к Германии произошло отнюдь не в порядке самоопределения, а в результате мюнхенской сделки, допущенной лицами, руководившими довоенной политикой Англии и Франции, несмотря на сопротивление и протесты более дальновидных политических деятелей Англии (Черчилля, Дафф-Купера и др.). От него пострадали в первую очередь судетские немцы, которые благодаря произвольно установленному германскими властями курсу принудительного обмена чехословацких крон на германскую марку, потеряли сразу почти половину своего состояния. Судетская область была к тому же дочиста ограблена хлынувшими в нее изголодавшимися фашистскими чиновниками, военными и т. д.

Вопрос о государственно-национальном объединении не

может рассматриваться изолировано от всего комплекса сопутствующих ему явлений и фактов. О национальном объединении в подлинном смысле может итти речь в том случае, если оно обеспечивает самоопределение данной нации, ее национальные права, ее консолидацию и внутреннее прогрессивное развитие, если оно нормализует ее отношения с другими нациями на базе обоюдного признания национальных границ. Национальное объединение неотделимо от поступательного движения к демократии или от создания предпосылок к такому движению. Энгельс высказывался в свое время против присоединения Савойи к Франции, т. к. это присоединение было частью реакционной и захватнической политики Второй империи во Франции, несмотря на то, что Савойя была французской по своему населению и что самое присоединение Савойи было обставлено формальным плебисцитом.

Что можно сказать о «великогерманском» национальном объединении под знаком свастики? Для миллионов немцев, например для судетских и саарских немцев, оно означало утрату тех демократических прав и свобод, которыми они пользовались в Чехо-Словакии и Сааре, и превращение их в бесправных рабов фюрера. Это «объединение» означало не консолидацию нации, а консолидацию антинационального аппарата жесточайшего подавления и угнетения нации. Оно привело не к хозяйственному росту воссоединенных областей, а к их всесторонней экономической эксплоатации монополистическим капиталом Германии, захватившим хозяйственные рессурсы и с жадностью набросившимся на сырье, продовольствие, промышленность вновь присоединенных к империи областей. Осуществляемое железом и кровью это объединение не преследует никаких прогрессивных задач и направлено в первую очередь против самого насильственно вгоняемого в гитлеровский ад германского народа, а затем против остальных народов Европы и всего мира.

Национальное объединение Германии является для Гитлера лишь предлогом, которым Гитлер пытается прикры-

вать стремление к порабощению других народов и установлению своего мирового господства. Это стремление представляет собой величайшую угрозу для национального существования и единства всех других народов. Его целью было не образование национального государства, а создание плацдарма для захватнических войн, для расширения территории Германии за счет других народов.

Ясно, насколько лживыми и насквозь лицемерными являлись «вегетарианские» разглагольствования о национальном объединении немцев. Речь шла не столько об объединении территории с немецким населением, сколько о захвате чужих территорий и их германизации. Старый шовинистический догитлеровский пангерманизм представлял собой безобидную игру по сравнению с этими захватническими планами.

Столь же насквозь лживой и лицемерной была демагогия германского фашизма вокруг вопроса о немецких национальных меньшинствах. Германский фашизм, установивший в самой Германии режим неслыханного террора и гнета для национальных и расовых меньшинств — евреев, поляков, чехов, датчан, лужичан[1] и т. д., проливал крокодиловы слезы по поводу «угнетенных» немецких национальных меньшинств в Польше, Чехо-Словакии, Румынии, Бельгии и т. д. В своем выступлении в рейхстаге, в мае 1933 г., Гитлер, оповещая весь мир о своих «миролюбивых» намерениях и заявляя о своей готовности заключить пакты о ненападении с любой страной, стал в позу защитника «культурных» интересов немецких национальных меньшинств вне Германии. События 1939—1942 гг. обнаружили все лицемерие этих заявлений. Гитлер, ранее ратовавший за равноправие немецких национальных меньшинств вне Германии, установил в оккупированных странах откры-

[1] Лужичане, живущие в Пруссии, лишены своей школы, их детям, учащимся в немецкой школе, „запрещается в школе, а часто и вне школы, разговаривать на родном языке“ (из меморандума, поданного лужичанами правительству в 1931 г., т. е. еще до прихода фашизма к власти).

тое или слегка замаскированное господство привилегированной немецко-фашистской касты над «неполноценными» славянскими и другими народами.

Таким образом непреложные факты германского хозяйничания в Европе разоблачили лживость националистической демагогии гитлеризма.

Использование венгерского ревизионизма[1]

Для осуществления своего дьявольского плана мирового господства гитлеризм применяет старый испытанный принцип «разделяй и властвуй». Он бьет своих врагов поодиночке, нередко используя одни нации в качестве «союзников» против других в расчете на то, что и «союзникам» недолго придется дожидаться уготованной для них участи стать такими же бесправными рабами гитлеровской Германии.

В поисках временных союзников-вассалов германский фашизм широко использует существующие национальные противоречия, спекулирует на неразрешенных национальных проблемах, искусственно их раздувая. Германский фашизм разжигает межнациональную вражду, подогревая ревизионистские, ирредентистские[2], сепаратистские тенденции и устремления и изображая собой «освободителя» и «покровителя» малых наций.

В качестве примера можно указать на венгерский и болгарский ревизионизм, словацкий автономизм и хорватский сепаратизм.

Венгерская правящая клика с момента подписания трианонского договора не переставала выдвигать ревизионистские требования, направленные к восстановлению границ «короны св. Стефана». Но это были как раз те границы, которые увековечивали рабство трансильванских румын,

---

[1] Ревизионизм в данном случае — стремление к пересмотру границ и других условий международных договоров и т. д.

[2] Ирредентизм — стремление к присоединению к государству территорий с родственным по национальности населением.

сербов Воеводины, словаков, хорватов, карпато-украинцев. Эти-то границы и хотели восстановить венгерские магнаты. В качестве предлога для ревизионистской агитации был использован тот факт, что при проведении трианонских границ Чехо-Словакии и Румынии были переданы пограничные полосы с венгерским большинством. Чехо-Словакии, таким образом, представлялась возможность выхода к Дунаю. Румыния получила необходимые железнодорожные узлы. К Югославии отошла Воеводина, которую населяли, главным образом, сербы и хорваты.

Германия помогла Венгрии округлить свои владения за счет соседей. После Мюнхена Венгрия получила из рук Германии и Италии добрую часть Словакии и Карпатской Украины. В марте 1939 г. Венгрия использовала ликвидацию Чехо-Словакии Германией, захватив свою долю чехословацкого наследства — Карпатскую Украину. Венский «арбитраж» 1940 г. передал Венгрии северную Трансильванию. В 1941 г. Венгрия захватила свою долю и в югославском наследстве в виде большой части Баната. Таким образом к Венгрии перешла Карпатская Украина, области с румынским, сербским, хорватским и словацким населением. Венгрия превратилась в многонациональное государство, в котором живет полтора миллиона румын, 600 тыс. карпато-украинцев, полмиллиона словаков, полмиллиона сербов и хорватов. Национальная венгерская ирредента, затрагивавшая полтора миллиона венгров, была использована для присоединения к Венгрии вдвое большего невенгерского населения. Таково было «разрешение» венгерского национального вопроса по-фашистски.

Укрупненная Венгрия стала ареной национального гнета. На Карпатской Украине проводится систематическая колонизация пограничных районов, украинские крестьяне изгоняются из населенных мест и переселяются вглубь страны, лучшие земли занимают венгерские «витязи». Жестокий террор царит в отношении сербов и хорватов в Воеводине, где они физически истребляются.

Оказывая поддержку и покровительство венгерскому

ревизионизму, Германия использовала его против славянских государств Чехо-Словакии и Югославии и для установления «равновесия» между Румынией и Венгрией.

В 1937 г. население Румынии вдвое превышало население Венгрии, в 1941 г. население Венгрии и Румынии сравнялось. Венгрия превратилась в союзника-вассала тевтонства — злейшего векового врага венгерского народа. Она стала плацдармом германской экспансии, продовольственно-сырьевым придатком Германии, поставщиком пушечного мяса для германской военной машины. Насильственно присоединив Венгрию к тройственному пакту, Германия навязала венгерскому народу «арийское» законодательство, звучащее особенно нелепо в угро-финской, отнюдь не арийской Венгрии, заставила Венгрию признать особое юридико-политическое положение немецкого меньшинства в Венгрии, как государства в государстве. И, наконец, она втянула Венгрию в преступную, гибельную для Венгрии войну против СССР. Покончивший самоубийством (если только он не был убит гитлеровскими преступниками, что является наиболее вероятным) премьер Телеки протестовал против германской политики, жертвой которой стала независимость и национальное достоинство Венгрии.

Полностью программа венгерских ревизионистов, впрочем, не была осуществлена. Германия, знающая антинемецкие настроения венгров, отнюдь не заинтересована в создании крупного венгерского государства. К тому же венгерский ревизионизм надо было «согласовать» с необходимостью использовать некоторые другие страны, как «союзников» в войне против СССР и Англии. Это была попытка примирить непримиримое.

Непримиримыми являются венгерский ревизионизм с его требованием «миндент висса» (все обратно) и румынская концепция «великой Румынии». В виду географического положения Румынии, ее сырьевых и энергетических ресурсов Германии выгоднее оккупировать и поработить

Румынию как «союзника,» а не как противника. Это заставило Германию считаться и с притязаниями Румынии при решении трансильванского вопроса. Трансильвания делится пополам: Венгрия получает целый ряд районов с румынским населением, за то Румыния сохраняет некоторое районы с венгерским населением. Проводится искусственная граница, не имеющая ничего общего с подлинным национальным размежеванием. Подобным размежеванием остаются глубоко неудовлетворенными как Румыния, так и Венгрия. Таким образом обе страны в рамках навязанного им союза остаются врагами. Столкновения на венгерско-румынской границе, драки между румынскими и венгерскими частями во временно оккупированных советских районах являются ежедневным явлением[1].

Такое «решение» является наиболее выгодным для Гитлера, давая ему возможность натравливать своих «союзников» друг на друга. На малейший признак неповиновения какого-либо одного из этих союзников (например, нежелание поставить требуемое количество дивизий) Гитлер отвечает угрозой пересмотра Венского арбитража в пользу другого союзника; для вящего эффекта этот последний выпускается на арену с резкими антивенгерскими (или соответственно антирумынскими) выступлениями. С другой стороны, согласие поставить новые дивизии или отдать всю свою армию в распоряжение Германии покупается це-

---

[1] „После перехода Трансильвании к Венгрии,— сообщала осенью 1940 г. бухарестская радиостанция,— началась резня. В одной местности венгерцы убили 20 румынских граждан. Одного они привязали к столбу и закололи штыками. В другой местности были расстреляны 155 румынских мужчин, женщин и детей, в том числе даже младенец в колыбели, одного румына заживо сожгли, предварительно переломав ему руки. В том же населенном пункте одного румынского гражданина истязали до тех пор, пока у него не оказались парализованы ноги. В одной деревне венгерцы вырезали 99 человек, в том числе 4-летнюю девочку. Двух румынских граждан заставили вырыть себе могилы, после чего их расстреляли. Вчера на одной проселочной дороге было обнаружено 27 трупов. Кроме того, в одной из деревень найдены трупы 17 румын. В другом месте румын истязали, вырезали на их теле куски мяса, а раны посыпали солью...“

ной обещаний пересмотра венского арбитража в пользу другого государства. Такие обещания Германия, не моргнув глазом, раздает обеим сторонам.

Спекуляция на словацком вопросе

По такому же методу действует Гитлер и при «урегулировании» венгро-словацких отношений. Словакия издавна входила в состав венгерских земель. Славяне-словаки веками подвергались мадьяризации. Словацкая интеллигенция в значительной своей части восприняла мадьярский язык. Такие деятели современной Словакии, как Тисо, Тука и др. — больше мадьяры, чем словаки. Тука не брезгал служить агентом в венгерской разведке. Но словацкий народ ненавидел и ненавидит своих вековых мадьярских угнетателей, он упорно боролся и борется за освобождение, установив в этой борьбе братский союз с родственным, более сильным, культурным и многочисленным чешским народом, в свою очередь угнетавшимся австрийскими немцами. Результатом этой совместной борьбы было образование Чехо-Словацкой республики в 1918 г.

Старые «мадьяроны» — предатели словацкого народа, не рискуя открыто выставить программу обратного присоединения к Венгрии, перекрасились в словацких автономистов, выдвинув требование автономии Словакии в составе Чехо-Словакии. Этим они добивались ослабления чехословацкого единства и подготовки возвращения Словакии в состав Венгрии. Они сомкнулись с той частью словацкого общества, которая, не желая порывать с Чехо-Словакией и стоя на почве чехо-словацкой государственности, в то же время расходилась с чешскими правящими кругами в вопросе о централизации, требуя выполнения так называемого Питтсбургского соглашения, заключенного между американскими чехами и словаками в 1918 г. Это соглашение предусматривало широкую автономию Словакии. Автономисты всех толков использовали религиозность словацкого крестьянства, слепо преданного ка-

толицизму. Словацкий автономизм развивался как движение клерикальное, выступавшее против «безбожной», «светской», «гусситской» Праги. Во главе движения встал католический священник Глинка, имя которого ныне стало знаменем словацкого фашизма (словацкая фашистская партия и ее штурмовики носят название партии и гвардии Глинки). Зная настроение словацких масс, добившихся в Чехословакии освобождения от векового венгерского ига, глинковцы не решались выступать открыто против государственного союза словаков с братским чешским народом. В момент резкого обострения чешско-словацких отношений Глинка заявлял: «Автономия есть и будет нашей целью, нашей программой... наше положительное отношение к Чехо-Словакии не изменилось и не изменится от того, что наша партия перешла в оппозицию»[1]. Партия Глинки входила одно время в состав чехо-словацкого правительства. Ее политические требования дальше автономии, обеспечивающей и ограждающей влияние словацкого духовенства от конкуренции Праги, не шли. Необходимо также отметить, что автономистская партия никогда не вела за собой большинства словацкого народа. Самой сильной партией в Словакии была общечехословацкая аграрная партия. Известным весом пользовалась также протестантская народная партия. Рабочие и большое количество крестьян голосовали за социал-демократов и коммунистов. На выборах в чехословацкий парламент автономистская партия Глинки получала в Словакии меньшинство голосов.

Партия Глинки сумела установить свое монопольное господство в Словакии лишь с помощью внешней силы — германского фашизма. Гитлер поставил своей задачей использовать словацкое автономистское движение для того, чтобы взорвать Чехо-Словакию изнутри и поработить в различных формах и чехов и словаков. После предоставления Словакии автономии в октябре 1938 г. основной козырь словацких автономистов в борьбе против Чехо-Слова-

[1] „Национальное обозрение“ № 3, 1931 (на чешском языке).

EB_1943_AKS_896

кии был выбит у них из рук, но тут, по приказу из Берлина, бывшие автономисты превращаются в сепаратистов и выдвигают лозунг независимой Словакии. Гитлер использует его для ликвидации Чехо-Словакии. Из Берлина чехословацкому правительству в ультимативной форме предлагается признать «независимость» Словакии. А на следующий день основная часть Чехо-Словакии преобразуется в германский протекторат Чехия и Моравия. Формальная «независимость» Словакии таким образом достигается путем ликвидации даже формальной независимости Чехии. Но и сама «независимая» Словакия тут же была поставлена под покровительство» Германии, введшей по «договору» с Словакией свои войска в страну в целях «охраны политической независимости и целостности ее территории», т. е. в целях, живым отрицанием которых как раз и является присутствие германской армии. Военные силы и внешняя политика Словакии поставлены под полный контроль Германии, дважды уже заставлявшей словаков проливать кровь во славу Гитлера в позорной войне против братских славянских народов — поляков, русских, украинцев. Еще до того, по арбитражному решению Германии и Италии, от Словакии — тогда еще части Чехо-Словакии—были отрезаны ее наиболее развитые промышленные районы с городом Кошица и др. и переданы Венгрии. Гитлер, однако, не согласился полностью удовлетворить притязания Венгрии на всю Словакию, сохранив последнюю в виде жалкого, «независимого» государства-обрубка. Этим Гитлер пытается воспрепятствовать возрождению в Словакии стремления к восстановлению старого государственного союза с чехами. Гитлер боится, что присоединение к Венгрии окончательно толкнуло бы словаков в лагерь непримиримых антигитлеровцев. Угрозу присоединения к Венгрии Гитлер использует как орудие постоянного давления на словацкий народ при малейшем проявлении непокорности.

Так Гитлер «разрешил» словацкий вопрос. «Независимая» Словакия представляет собой нежизнеспособное искусственное государство. Словакия находится под постоян-

ной германской оккупацией. Продовольствие беспощадно выкачивается для снабжения Германии, германской армии, германской фашистской знати. Формально власть принадлежит партии Глинки — лакею германского фашизма, кровожадного ненавистника и истребителя славянства. Фактическим хозяином являются германские военные власти и партия немецкого меньшинства — единственная легальная партия в стране, помимо партии Глинки, с ее местным «фюрером» — Кармазином.

Лучшие люди Словакии знают, что условием спасения национального существования и национальной самостоятельности словаков является ликвидация гитлеризма в Германии, гитлеровской агентуры в Венгрии и Словакии и восстановление Чехо-Словакии на основе государственного союза чехов и словаков.

Расчленение Югославии

До некоторой степени аналогичную роль сыграл и хорватский вопрос в Югославии. Югославия представляет собой государственный союз трех родственных южнославянских народов: сербов, хорватов и словен. Особенно тесным является родство между сербами и хорватами, говорящими на одном сербо-хорватском языке. Но исторические причины обусловили также ряд существенных социально-культурных отличий между сербами и хорватами. Исторически сербы и хорваты развивались независимо друг от друга, вследствие чего здесь не могла образоваться достаточная экономическая общность. Сербы в борьбе за национальную независимость ликвидировали крупное турецкое землевладение и превратились в нацию средних и мелких крестьян с некоторой кулацкой прослойкой. В Хорватии же под эгидой Габсбургов сохранилось крупное землевладение. Сербы — православные, хорваты — католики. Сербы пользуются русским алфавитом, хорваты — латинским. Это обусловило известное отличие в культурной ориентации и облике сербов и хорватов. В старой Австро-

Венгрии Хорватия пользовалась политической автономией. При образовании Югославии, в которую Хорватия вошла по постановлению национального хорватско-словенского собора, сербами были допущены ошибки, в частности чрезмерная централизация Югославии, с преобладанием сербского элемента — вызывала недовольство хорватов. Хорватский вопрос стал одним из наиболее острых в Югославии.

Широкие массы хорватского народа никогда не выдвигали требования отделения от Югославии. Они верным чутьем понимали, что подобное отделение превратит Хорватию в марионетку Германии или Италии. Они считали, что лишь в рамках крупной Югославии или даже еще более крупной Балканской федерации южных славян (включая и Болгарию) сможет южное славянство отстоять себя от натиска германцев, итальянцев, мадьяр. Требования хорватов сводились к автономии в рамках Югославии или к преобразованию последней в федерацию. Именно эти требования и выдвигались крупной, наиболее влиятельной и единственно массовой хорватской национальной партией— хорватской крестьянской партией Степана Радича. Упорная, борьба за автономию, возглавлявшаяся крестьянской партией, увенчалась частичным успехом. 26 августа 1939 г. был подписан протокол между представителями Хорватии и югославским правительством, предусматривавший образование автономной Хорватии. Правительство автономной Хорватии возглавлялось баном, ответственным перед королем Югославии и собором (парламентом Хорватии). В ведение автономных органов Хорватии передавались вопросы сельского хозяйства, торговли и промышленности, лесное и горное управление, общественные работы, социальная политика, юстиция, народное образование, спорт. Законодательная власть Хорватии осуществлялась баном и собором.

Это соглашение, за которым последовало вхождение лидера хорватской крестьянской партии доктора Мачека в правительство Югославии в качестве вице-премьера, зало-

жило основу для совместного государственного существования братских сербского и хорватского народов в единой Югославии. Это вызвало бешеную злобу в рядах хорватских фашистов. Последние под предлогом борьбы за права Хорватии (их партия носила название партии права) издавна выдвигали требование «великой Хорватии от Триеста до Тимока». Они предполагали, что «великая Хорватия» будет включать, помимо хорватских, также боснийские районы (населенные босняками-мусульманами), чисто сербские районы, и выступали против каких-либо государственных связей Хорватии с Сербией.

Хорватские фашисты, возглавлявшиеся Анте Павеличем и организовавшие штурмовые отряды усташей, применяли террористические методы борьбы. Они организовали в 1934 г. убийство в Марселе югославского короля Александра, проводившего политику укрепления государственного единства Югославии. Индивидуальным террором хорватские фашисты пытались возместить отсутствие массовой базы, ибо подавляющее большинство хорватского народа неизменно шло за хорватской крестьянской партией и ее руководством. Фашистская партия права представляла собой агентуру вначале итальянского и венгерского, а позже и германского фашизма в Хорватии. Жестокий террор и угнетение, проводимое против хорватов в Италии, притязания Венгрии на Хорватию (до войны входившую в состав Венгрии на правах автономной провинции) не могли удержать хорватских фашистов от тесного сотрудничества с итальянским и венгерским фашизмом в борьбе против единства южнославянских народов. Со времени прихода Гитлера к власти устанавливаются тесные связи между усташами и гитлеровской Германией, использовавшей хорватских фашистов для подрыва изнутри югославянского сопротивления германской экспансии.

Поработив сербов, Гитлер даровал «независимость» хорватам. На шею хорватского народа были посажены ненавистные террористы-усташи во главе с убийцей Павеличем, который был объявлен хорватским «поглавником»

— вождем, и играет роль жалкой копии фюрера. Старая хорватская область — Далмация — была отторгнута от Хорватии и отдана Италии. Зато в состав Хорватии были включены значительные сербские и боснийские районы, никогда ничего общего с Хорватией не имевшие. Достаточно указать на то, что в «независимой» Хорватии числится около 7 млн. населения, в то время как в Югославии никогда не насчитывалось больше 3—3,5 млн. хорватов, из которых около 1 млн. осталось вне пределов «независимой» Хорватии.

Основанная на жестоком угнетении сербов и босняков Хорватия является фактически протекторатом Италии, которая в свою очередь давно превратилась в германскую оккупированную территорию. Согласно договору о «гарантии и сотрудничестве» с Италией правительство Хорватии обязалось не брать на себя никаких международных обязательств, которые были бы несовместимы с итальянской «гарантией» целостности Хорватии. Правительству Хорватии запрещено содержать военный флот, за исключением единиц для полицейской и таможенной службы, и возводить на побережье укрепления, могущие быть использованными в военных целях. Подарив Италии хорватские территории (Далмацию), Гитлер посадил на свежеиспеченный хорватский престол итальянского принца. Италия получила право перебрасывать вооруженные силы через территорию Хорватии. Уже через несколько месяцев после «гарантирования» целостности Хорватии итальянские войска перешли границу и оккупировали часть страны, установив в ней итальянское военное управление. Хорватскому правительству было «разрешено» иметь здесь гражданского комиссара, подчиненного итальянским властям. Присоединением к тройственному пакту, участием в войне против СССР, США и Англии, снаряжением «добровольцев» на восточный фронт хорватские главари и формально признали свои вассальные отношения к Германии и Италии.

Фиктивная «независимость», сопровождающаяся политическим порабощением и экономическим ограблением, же-

стокое угнетение сербов и босняков — таков был способ «разрешения» Гитлером хорватского вопроса. Смысл этого «разрешения» заключается и здесь, как и в Словакии, в выращивании местной агентуры для осуществления политических планов германского фашизма, направленных против народов Югославии. Создание «независимой» Хорватии было направлено также и против партнера по оси — Италии, притязания которой на гегемонию в этой части Европы были осуществлены лишь в самой минимальной степени. Хорватия служит разменной монетой в торге между этими двумя «союзниками».

Если Хорватия все же была признана заслуживающей «независимости», то Словения была попросту поделена между Германией и Италией. Отданной Италии части Словении обещана «автономия». «Автономия» Словении в пределах Италии, беспощадно угнетающей и денационализирующей словенцев в своих старых провинциях, является верхом лицемерия.

Одним из способов порабощения и ослабления сербского народа является его национальное раздробление путем передачи ряда чисто сербских областей Хорватии, Венгрии и Румынии и выделения Черногории в «самостоятельное» государство. Но черногорцы — сербы по языку и национальному самосознанию. Они добровольно соединились с сербами после войны 1914—1918 гг. через свое Национальное собрание в Подгорице. Веками черногорцы были отделены от сербов династическими перегородками и различием в политическом положении, т. к. черногорцы были единственной сохранившей независимость частью сербского народа. Но последний момент отпал после завоевания Сербией независимости, а династические перегородки потеряли свое значение после измены последнего черногорского короля Никиты, отдавшего страну австро-германским войскам в 1915 г.

После захвата Югославии германо-итальянский фашизм вновь начинает усиленно возрождать черногорский сепаратизм. Черногория объявлена королевством, соединен-

ным с Италией реальной унией. Но вооруженное сопротивление черногорского народа не дает возможности сделать эту унию действительно «реальной». Черногория отдана под прямую власть итальянского комиссара. Впрочем, эта власть распространяется лишь на отдельные городские пункты; в горах остаются господами положения партизаны.

Грабительски напав на Югославию,— вся «вина» которой заключалась в нежелании стать орудием и плацдармом гитлеровской агрессии и признать гитлеровский «новый порядок»,— Гитлер осуществил взлелеянный им план раздробления и порабощения южных славян и ликвидации их главного государственного образования — Югославии. Эта операция была проведена в форме неприкрытой аннексии, частично маскируемой «независимостью» Хорватии. Отдельные части югославской территории были розданы за «верную службу» Италии, Венгрии, Болгарии. Сербам было навязано предательское правительство Недича, послушно действующее по указке оккупантов. Но героическая борьба югославских партизан, ведущих активные боевые действия на *всей* территории Югославии, показала иллюзорность этого раздела. Недаром итальянская газета «Пополо д'Италия» вынуждена была признать: «все многочисленные народы Югославии объединены в ненависти к нам».

Использование болгарского ревизионизма

Формой спекуляции гитлеризма на национальном вопросе является также использование болгарского ревизионизма. Этот ревизионизм был в основном направлен на три объекта: Южную Добруджу, принадлежавшую Румынии, Македонию, входившую в состав Югославии большей своей частью, и греческую западную Фракию.

Южная Добруджа представляет собой бесспорно бол-

гарскую по своему населению территорию со значительным турецким меньшинством. Причудливо сложилась ее судьба. Захваченная Румынией у Болгарии в 1913 г., она была возвращена Болгарии по Бухарестскому договору в 1918 г. для того, чтобы в 1919 г. вернуться к Румынии, которая вынуждена была возвратить ее Болгарии в 1940 г.

Иначе обстоит дело в отношении Македонии и западной Фракии.

Македонский народ — славянский народ, родственный болгарам и сербам, говорящий на языке, близком к болгарскому, и пользующийся последним в качестве литературного языка. Македонское революционное движение, оформившееся в 1893 г., направленное против турецкого господства, начертало на своем знамени самостоятельность Македонии в федерации балканских народов. Однако в силу ряда причин руководство этим движением оказалось захваченным болгарскими агентами, так называемыми верховистами, подменившими лозунг самостоятельной Македонии лозунгом присоединения Македонии к Болгарии, рассматривавшей Македонию как ключ к гегемонии на Балканах. Верховисты остервенело расправлялись с своими противниками в лагере македонского революционного движения — сторонниками самостоятельности этого движения.

Трагическая судьба Македонии, оказавшейся в результате балканских войн и войны 1914—1918 гг. поделенной между Болгарией, Югославией и Грецией, давала удобный предлог для продолжения интриг верховистов, пытавшихся монополизировать македонское движение и руководство многочисленной македонской эмиграцией в Болгарии.

Впрочем, верховистские группировки больше всего занимались перманентным взаимным истреблением (борьба между «михайловистами» и «протогеровистами»). Однако наиболее передовая часть македонского революционного движения, отвергая как состоявшийся раздел Македонии,

так и империалистические планы болгарских агентов — верховистов — продолжала отстаивать лозунг самоопределения Македонии.

Германия использовала и македонский вопрос. После военной расправы с Югославией она провела новый раздел Македонии: большая часть Македонии была отдана Болгарии, а остальная часть Италии. Формальным расширением границ Болгарии и предоставлением последней возможности оккупировать Македонию Германия пыталась отвлечь внимание болгарского народа от того факта, что сама Болгария оккупирована германскими войсками и включена в состав германского «жизненного пространства», превращена в германскую колонию. Македония и западная Фракия (отобранная у Греции и отданная Болгарии), должны были служить «компенсацией» за утраченную независимость, за беспощадное выкачивание продовольствия, за бесчинства гестапо на всей территории «расширенной Болгарии, за насильственное навязывание болгарскому народу братоубийственной войны против СССР.

Эта операция изображается как осуществление национальных чаяний болгар и македонцев, как разрешение македонского и фракийского вопросов. Но ни западная Фракия, ни Македония не являются болгарскими по национальному составу своего населения. Во Фракии в 1921 г. было 70 тыс. болгар на 213 тыс. чел. населения, а с тех пор процент болгар еще больше снизился. Македонцы не хотят быть ни болгарами, ни сербами, а македонцами, самостоятельным членом в дружной семье южных славян. Поэтому присоединение Македонии и западной Фракии к Болгарии, состоявшееся к тому же даже без видимости опроса населения (такой опрос, несомненно, дал бы результаты, неблагоприятные гитлеровским планам), отнюдь не может рассматриваться как разрешение национального вопроса, а лишь как создание новых, несравненно более острых, чем прежние, национальных проблем, из которых наиболее острой и серьезной является

проблема освобождения самого болгарского народа от цепких объятий германского фашизма.

Бретонская, фламандская, ирландская проблемы

Грабительская программа Гитлера намечала в первую очередь порабощение Франции. Но исторически обусловленная монолитность Франции, опередившей другие страны европейского континента в завершении процесса своего национального объединения и централизации являлась препятствием к достижению этой цели. Расчленение и раздробление Франции рассматривается Гитлером как одно из решающих средств к достижению господства над французским народом. В этих целях используются и национальные моменты.

Не удовлетворившись отторжением Эльзас-Лотарингии, которая против воли своего населения объявлена немецкой территорией, гитлеровцы попробовали поспекулировать и на бретонском вопросе. В Бретани имеется несколько сот тысяч бретонцев, говорящих, помимо французского, также на своем старинном кельтском языке. Некоторые буржуазные круги Бретани в течение последних десятилетий пытались вести политическую агитацию вокруг бретонского вопроса, используя недовольство бретонских рыбаков и крестьян близорукой экономической политикой Парижа, игнорировавшего особые экономические нужды Бретани. С момента прихода Гитлера к власти Германия пытается превратить это верхушечное движение в свою агентуру, финансируя его, снабжая его антифранцузскими лозунгами и толкая на террористические акты. Вскоре после разгрома Франции и оккупации Бретани и июне 1940 г. Германия приступила к осуществлению своего бретонского плана. Было образовано нечто вроде бретонского правительства под сенью германских оккупационных властей, которое объявило о своем отделении от Франции. Независимая Бретань должна была представлять постоянную германскую морскую базу на

Атлантике и перманентную угрозу Англии и США. Тем самым была подтверждена связь бретонских сепаратистов с германским фашизмом. Она заменяла бретонским сепаратистам связь с бретонскими народными массами, никогда не принимавшими всерьез сепаратистские планы.

Но затея с «независимой» Бретанью полностью провалилась. Германские инсценировщики «независимой» Бретани не учли того факта, что со времени французской революции 1789 года бретонцы, как и эльзасцы, как и провансальцы и другие народности Франции, рассматривали и рассматривают демократическую свободную Францию как свою родину и, сохраняя свои языковые и культурные особенности, добиваясь своего национального самоопределения, они сочли бы за оскорбление для себя, если бы им было отказано в праве считаться французскими патриотами. Сохранение языково-культурного своеобразия здесь совмещается с вхождением в общефранцузскую национальную, политическую и культурную общность. Германская оккупация имела своим результатом еще большее сплочение всего населения Франции независимо от разговорного диалекта и местных особенностей против жестокого и неумолимого захватчика. Об этом свидетельствовали между прочим стихийные выступления бретонцев Сен-Назера против германских оккупантов в момент высадки английского отряда.

Такой же просчет ожидал Гитлера и в Бельгии, где он пытался раздуть распрю между валлонами и фламандцами.

Бельгия — двухнациональное государство, отличающееся той особенностью, что обе живущие в ней национальности в численном отношении уравновешивают друг друга (небольшой численный перевес имеется на стороне фламандцев). Различия социальной структуры и исторические причины привели к политическому, экономическому и культурному преобладанию валлонцев. Валлония была основным промышленным районом страны. Промышленность и банки находились в руках валлонской буржуазии. Эко-

номически связанная с ней фламандская верхушка сама офранцузилась, составив прослойку так называемых франскильонов. Официальным языком Бельгии был язык валлонцев — французский язык.

С середины XIX в. во Фландрии начинает развиваться национальное движение, ставящее своей задачей завоевание равноправия фламандского языка с французским в государственных учреждениях. Под напором этого движения правящие партии — либеральная и католическая,— заинтересованные в голосах фламандских избирателей, были вынуждены пойти на некоторые уступки. Ряд законодательных актов в период от 1873 до 1913 г. расширил права фламандского языка в местной администрации, суде, начальной школе и т. д. К моменту войны 1914—1918 гг. национальные требования фламандцев все же еще далеко не были полностью удовлетворены. В администраций, особенно центральной, преобладал французский язык, в высшей школе и армии его господство было почти полным. Это дало возможность кайзеровской Германии в тот период сыграть на фламандском вопросе, противопоставить фламандцев как германцев валлонам, принадлежащим к романским народам. Часть фламандских деятелей (так называемые активисты), во главе с Бормсом, образовали Совет Фландрии, ставший орудием германской политики и прокламировавший 22 декабря 1917 г. независимость Фландрии. Но открытая связь активистов с ненавистными оккупантами, гнет которых тяжело ложился на фламандские массы (например, депортации — принудительная отправка — фламандских рабочих в Германию), дискредитировала активистов. Победа Англии и Франции окончательно похоронила планы активистов.

В послевоенный период наблюдался дальнейший рост фламандского движения. Фламандская часть католической партии поддерживала требования фламандского равноправия. В то же время выросло и более крайнее фламандское движение, выдвигающее требование отделения Фландрии от Бельгии. Это иногда сочеталось с требованием при-

соединения Фландрии к Голландии или объединения бельгийской и голландской Фландрии в единую Фландрию. Более умеренное крыло требовало преобразования унитарной Бельгии в дуалистическую Фламандо-Валлонию. Эти требования в различных формах выдвигались так называемой фронтистской партией, сумевшей добиться известного влияния во Фландрии. Ориентация фронтистской партии на Германию, ее антифранцузские тенденции, антисемитизм, расизм и т. д. определились с полной отчетливостью еще до войны. Они давали Германии известное основание рассчитывать на возможность использования фламандского движения для удара с тыла на Бельгию и для создания плацдарма на Ламанше. Еще в 1933 г. фламандские фашисты заявляли в своем органе: «Четыре с половиною миллиона фламандцев лишь слабый форпост германизма, если им придется вести вековую борьбу с латинством без союзников, без вооруженной борьбы товарищей по расе, они не смогут удержаться...в настоящее время восстановление Фландрии возможно лишь с помощью Германии... Фландрия — один из важнейших участков на фронте борьбы между латинством и германством, и от судьбы этого участка зависит и судьба Рейна». С другой стороны, орган германских национал-социалистов «Националь-Социалистише корреспонденц» писал, что «Фландрия и Голландия — главные столпы германства — имеют кардинальную важность для Германии». После оккупации Бельгии гитлеровцы стали манипулировать лозунгом создания великой Фландрии, включающей также часть Голландии и северной Франции.

Однако ставка Гитлера на фламандское национальное движение провалилась еще в гораздо большей степени, чем некогда ставка кайзеровской Германии. Это объяснялось в немалой степени тем, что в период 1918—1939 гг. рядом законодательных актов было почти полностью осуществлено языковое равноправие фламандцев и валлонцев. Прогерманские тенденции во Фландрии испарились от первого соприкосновения с ордами нацистской Германии.

Они оказались лишенными всякой серьезной базы в массах фламандского народа. Бельгия, как политическое целое, выдержала испытания войны. Общая ненависть к германским оккупантам способствовала сглаживанию старых разногласий между фламандцами и валлонцами и их объединению против фламандской и валлонской пятой колонны в лице так называмых рексистов Дегрелля и др.

В период войны 1914—1918 гг. возможность использования ирландского вопроса давала Германии известное преимущество в борьбе против Англии. Дублинское «пасхальное» восстание ирландских националистов в 1916 г., доставившее Англии немало неприятных минут, как известно, пользовалось прямой поддержкой кайзеровской Германии.

Германия не прочь поспекулировать ирландским вопросом и в нынешней войне. В течение ряда лет до войны партия крайних ирландских националистов — ирландская республиканская армия — вела борьбу против Англии методами террора. Связь этой партии с Германией неоспорима. Однако деятельность ее не получила поддержки масс. Основная политическая линия ирландского движения в настоящее время представлена правящей в Эйре партией Фианна—Файль, проводящей политику скорее дружественного к Англии нейтралитета и готовой сопротивляться всякой попытке использования Эйре как плацдарма против Англии. Отличие от обстановки 1914 г. вызвано двумя обстоятельствами. Во-первых, основная цель ирландского национального движения в настоящее время достигнута.

По англо-ирландскому договору 1921 г. Ирландия получила права доминиона; в период 1932—1937 гг. она добилась полной самостоятельности; по конституции Эйре 1937 г., Эйре — суверенное государство, возглавляемое выборным президентом и правительством, ответственным перед парламентом Эйре. В 1938 г. Англия отказалась и от военно-морских баз в Эйре, которые она сохранила за собой по договору 1921 г. В том же 1938 г. был уре-

гулирован и вопрос о суммах, которые Ирландия выплачивала Англии в качестве выкупа за земли английских помещиков, перешедшие к ирландским фермерам в силу земельной реформы 1903 г. (акт Уиндхема). Таким образом нерешенным остался лишь вопрос о воссоединении Северной Ирландии с Эйре. Нет никакого сомнения в том, что более активное участие Эйре в борьбе всего прогрессивного человечества и всех свободолюбивых народов против гитлеровской Германии значительно облегчило и ускорило бы решение этой проблемы.

Во-вторых, Германия Гитлера — это даже не Германия кайзера. Она вызывает к себе слишком большое отвращение и ненависть в народных массах Ирландии и представляет слишком большую угрозу для независимости и даже физического существования любого народа, чтобы могла итти речь о каком-либо союзе между Германией и преданным идеалам демократии ирландским народом, направленном против народов, ведущих борьбу не на жизнь, а на смерть с гитлеровской военной машиной.

Подрывная деятельность гитлеровцев на Ближнем Востоке

Как и в восточно-европейских странах, так и на Ближнем Востоке в первые десятилетия XX века происходит процесс складывания национальных государств. И, подобно тому, как в Европе характерной чертой этого процесса была эмансипация славянских народов, так для Ближнего Востока характерно возрождение арабской государственности после многих столетий почти полного государственного небытия арабов, их подчинения Турции. В период войны 1914—1918 гг. арабы выступили как союзники Англии и Франции против Турции. После войны на территориях, ранее принадлежавших Турции, образовались новые арабские государства — Саудия, Иемен, Ирак, прошедший путь от мандата к независимому государству,

связанному с Англией военно-политическим союзом. Египет из английского протектората тоже превратился в независимое государство, связанное с Англией военно-политическим союзом. Арабские государства образовались также на Леванте (Ливан, Сирия). Правда, эти государства не успели к началу войны выйти из-под мандатного режима.

Однако арабская национальная проблема к моменту возникновения войны была еще далека от своего полного разрешения. О полной политической независимости и необходимых предпосылках для завоевания экономической независимости еще не могло быть и речи. Англия и Франция сохраняли положение держав-гегемонов. Только Саудия и Йемен могли в большей или меньшей степени рассматриваться как фактически независимые государства.

Другой, столь же важной и еще более далекой от своего разрешения проблемой была проблема национально-государственного объединения арабских стран. Одновременно с образованием арабских государств неудержимо развивается тенденция к их государственному объединению в виде всеарабской федерации или конфедерации. Такое объединение является исторической неизбежностью. Оно — необходимая предпосылка национальной консолидации многомиллионного арабского народа в Азии и Африке. Но тенденции к объединению наталкиваются на ряд трудностей в виде племенной обособленности, религиозных различий, империалистических интриг, местнических интересов руководящих кругов отдельных арабских государств и слабости экономических связей.

Германия и Италия приложили все усилия к тому, чтобы использовать в своих интересах арабский вопрос.

Арабский восток — один из важнейших плацдармов в борьбе между державами оси и Англией. Арабский восток и Иран охраняют подступы к Индии. По арабским странам проходят важнейшие имперские коммуникации Англии — морская (Суэцкий канал и Красное Море), сухопутно-морская (Каир — Персидский залив) и воздушная.

Арабский восток составляет весьма важную часть Средиземного моря. Он является одним из главных нефтеносных районов мира, причем эта нефть контролируется английским (иракская и сирийская нефть) и американским (саудовская и бахрейнская нефть) капиталом. Египет играет роль одной из важнейших сырьевых баз Ланкашира. Все это в достаточной мере объясняет усилия Германии, направленные к подрыву позиции Англии на арабском востоке. Германия при этом использует в качестве вспомогательной силы и Италию, располагающую средиземноморским флотом и обширной агентурой в виде многочисленного итальянского населения в Египте и др. арабских странах и франкистскую Испанию, имеющие связи с марокканской феодальной и клерикальной верхушкой, говорящей на арабском языке.

На первом этапе своей ближневосточной экспансии Германия ставит своей задачей выбить Англию из занимаемых ею позиций и внедрить в арабские страны свое экономическое, политическое и культурное влияние. Полный захват этих стран по плану Германии должен последовать лишь за этим первым этапом. Поэтому Германия до поры до времени надевает на себя личину бескорыстного «покровителя» арабского народа, стыдливо замалчивая вопрос о его «неарийском» происхождении, пытается представить себя державой, якобы не имеющей в ближневосточных странах особых политических интересов. Италия, зверски расправлявшаяся с арабами в Ливии, провозглашает себя «покровителем Ислама», вводила арабский язык в мусульманских провинциях захваченной Абиссинии, добиваясь расположения арабских народов.

В борьбе за вытеснение Англии из арабских стран Германия пытается использовать внутри этих стран любые элементы недовольства Англией. Предлогами для германской антианглийской пропаганды служил палестинский вопрос (вопрос о национальном еврейском очаге), вопрос об англо-египетском и англо-иракском договорах и т. д. Германия пытается проникнуть в любые арабские политические кру-

ги, которые могут быть использованы против Англии, независимо от их политического направления, поддерживая их деньгами, тайно поставляемым оружием и т. д. Она создавала себе агентуру в виде различных арабских политических «клубов» (например, в Дамаске), «культурных» и «экономических» организаций, усиленно старалась привлекать к себе арабское студенчество, военных и др. элементы. Разумеется, в наибольшей степени ее влекло к самым реакционным и самым шовинистическим арабским элементам, в частности к феодально-клерикальной реакции в арабских странах. Германия предпочитает иметь дело с местническими элементами отдельных арабских государств, ибо считает, что ей легче подкупить и завоевать влияние в отдельных арабских государствах, чем во всеарабском масштабе. К тому же объединение арабских государств создало бы существенный барьер для германской экспансии. Приходится считаться также с исторически сложившимися прочными связями Англии с влиятельными панарабскими кругами.

Однако расчеты Германии на возможность поднять арабский народ против Англии позорно провалились. Война произвела как раз обратный эффект. Руководящие арабские круги во-время увидели ту опасность, которую представляет для свободы и независимости арабского народа кровожадный германский фашизм и его хищный итальянский союзник и объявили о своей лояльности и поддержке Англии. Влиятельнейшая национальная египетская партия Вафд объявила о поддержке Англии и призвала к оказанию отпора итало-германскому нашествию. Палестинские арабы и евреи сотнями и тысячами записываются добровольцами в английскую армию. Саудия порвала дипломатические отношения с державами оси. Попытки Германии поднять против Англии Ирак также не увенчались успехом. Иракское узурпаторское правительство германского агента Рашид-Али Гайлани пришло к власти в результате военного переворота. На это-то и рассчитывала Германия, пытаясь использовать свои связи

с военными кругами, в частности с арабами, бывшими офицерами турецкой армии в период войны 1914—1918 гг. Но эти надежды фашистской Германии не оправдались. Выступившее против Англии и начавшее фактические военные действия иракское правительство Рашид-Али Гайлани не получило поддержки народа ни вне, ни внутри Ирака. Эта авантюра быстро провалилась и имела своим результатом дальнейшее укрепление военных и политических позиций Англии на арабском востоке. Кончилась полным крахом также попытка Германии использовать своих подручных из правительства Виши в Сирии. Оккупация Сирии англичанами и силами свободной Франции и провозглашение ими окончания мандатного режима и независимости Сирии и Ливана открыли новый этап в истории англо-арабских отношений, этап тесного сотрудничества. Политика сотрудничества с Англией была подтверждена на конференции руководящих арабских политических деятелей в декабре 1941 г. Она нашла свое выражение и в помощи, оказываемой арабам Ливии английскими войсками, действующими в этой зоне.

Как известно, весьма плачевно для Германии закончились и германские происки в Иране. Иран в период после первой империалистической войны добился формальной и фактической независимости, получив при этом огромную поддержку со стороны СССР. Германский фашизм не мог здесь опереться на какое-либо мало-мальски серьёзное общественное движение, поскольку внешнеполитические национальные проблемы Ирана, связанные с взаимоотношениями Германии с Англией, были разрешены уже в конце 20-х и в начале 30-х годов. В своих происках, направленных против бакинской и южноиранской нефти и Индии, гитлеровцы могли опереться лишь на отдельные беспринципные и продажные элементы чиновничества и офицерства из окружения Риза-шаха, подпавшего под их тлетворное влияние. Последний момент должен был с неизбежностью обострить коллизию между прогрессивными национальными кругами Ирана и деспотическим режимом Риза-шаха,

плохо прикрытым парламентарными формами. Риза-шах мог, разумеется, в течение известного времени пользоваться старым политическим капиталом, нажитым им в период реформ, имевших в свое время безусловное прогрессивное значение. Однако наступил момент, когда стало ясно, что режим личной деспотической диктатуры Риза-шаха, незаконно претендовавшего на руководство процессом национальной консолидации Ирана, стал препятствием на пути дальнейшего развития Ирана. Германский фашизм, используя свои дворцовые связи, расточая лесть новоявленным «арийцам» Востока, пытался наложить свою руку на экономику и администрацию страны, исподтишка включить ее в свой пресловутый «новый порядок», означавший фактическую ликвидацию независимости Ирана. Иран, СССР и Англия, при полной поддержке иранского народа, в январе 1942 г. заключили советско-английско-иранский союз. Таким образом они помешали осуществлению замыслов германского фашизма в Иране.

Правильная политика СССР и успехи Англии в Абиссинии и Сирии парализуют происки германского фашизма в арабских странах и Иране. Восстановление независимости Абиссинии, провозглашение независимости Сирии и Ливана, укрепление позиций Ирана и Ирака, начавшиеся переговоры об отмене прав экстерриториальности иностранцев в Китае,— все эти факты не могут не служить для народов Востока убедительным доказательством того, что лишь в разгроме гитлеризма и победе антифашистской коалиции заключается залог и дальнейшего расцвета и осуществления национальных чаяний народов Востока.

„Теории" национального и расового гнета и истребления народов

Мы видели в предыдущей главе, что в арсенале внутренних, внешне-политических и военных средств германского фашизма спекуляция на национальном вопросе играет перво-

степенную роль. Германский фашизм не стесняется изображать дело так, будто бы провозглашение «независимости» Словакии или Хорватии, поддержка венгерского и болгарского ревизионизма «органически» вытекают из основных принципов национал-социалистской идеологии и «теории». В таких случаях фашисты пытаются доказывать, что национал-социализм, видящий высшую ценность в национальном своеобразии (Eigenart), ставит своей особенной задачей сохранение и культивирование национального своеобразия германского народа и, следовательно, не может, мол, не признать законности такого же стремления любого народа к сохранению им своего своеобразия. Более того, именно в интересах сохранения национальных особенностей германского народа он отвергает-де всякую политику не только принудительной, но даже и добровольной германизации других народов. Уже по одному этому национал-социализм, будто бы, ничего не может иметь против сохранения этими народами своего национального своеобразия: он даже готов этому всячески способствовать, хотя бы в интересах предотвращения ассимиляции, которая означала бы дегерманизацию германского народа. Нередко национал-социалисты распинаются в своем глубоком «уважении» к национальному своеобразию других народов, национальностей и рас. В этих случаях расизм истолковывается лишь в смысле утверждения особого своеобразия отдельных народов и рас, что совместимо-де с признанием ценности культурных достижений каждой из этих рас. Этот прием применяется нередко и в официальных документах даже в отношении покоренных народов, явно причисляемых германским фашизмом к «низшей» расе.

Так, в обращении к населению Польши после образования генерал-губернаторства палач польского народа — генерал-губернатор Франк обещал, что польскому народу будет обеспечено управление, «соответствующее его национальным особенностям». Позже выявилось, что под «национальными особенностями» поляков гитлеризм понимает их абсолютное бесправие и рабство. Заигрывая с предателями

из Виши германские фашисты, забывая, что имеют дело с «негроидами» и «ублюдками», говорят о французах как о «своеобразной нации, столь отличной от немцев и столь счастливо их дополняющей». Таким путем фашисты желают облегчить работу квислингов, лавалей, муссертов, дегреллей и т. д. Нужда заставляет приспособлять учение о «высшей» расе к реальной политической обстановке, требующей заключения политических и военных союзов с такими отнюдь не арийскими народами, как японцы, венгры, финны, и с отнюдь не северными национальностями, как итальянцы и румыны.

Но это не мешает гитлеровцам в минуты откровенности самим раскрывать свое подлинное отношение к другим народам. В «Моя борьба» Гитлер резко выступает против всякой ориентации Германии в борьбе против Версаля на союз с угнетенными и неполноправными нациями, утверждая, что состояние национального угнетения есть признак расовой неполноценности народа и что национал-социалисты должны быть «не стражниками бедных малых наций, а солдатами своего собственного народа». Заигрывая в тот же период с Англией в целях ее нейтрализации в войне против Франции и СССР, Гитлер доходит до утверждения, что он стоит из «расовых» соображений за сохранение английского господства в Индии, как господства высшей, почти германской, расы над низшей.

Таким образом Гитлер заранее разоблачил все свои последующие махинации и спекуляции вокруг вопроса о «самоопределении наций».

То же надо сказать и об отношении фашистов к концепции национального государства. Фашисты некогда были непрочь пококетничать с этой концепцией, признающей за каждым народом право на свое государство. Они прикидывались сторонниками национального государства и противниками многонациональных государств, вроде Австро-Венгрии. Поскольку государство рассматривается в национал-социалистской «теории» как средство и орудие сохранения «народной общности», то из этого,— утверждали

они,— органически вытекает закономерность и целесообразность однонациональных государств. Эти высказывания гитлеровцев преследовали одну цель: усыпить бдительность других наций в период первого этапа германской экспансии, этапа собирания немецких земель, убедить эти нации в том, что германская экспансия стремится только к созданию немецкого национального государства, отнюдь не покушаясь на независимость, суверенную государственность и территории других наций. В период Мюнхена Гитлер божился, что он не хочет ни одного чеха. Сторонники Мюнхена в Англии и Франции мотивировали эту позорную и пагубную капитуляцию перед гитлеризмом тем, что, якобы, «амбиции» Гитлера не простираются дальше собирания земель, населенных немцами, и не угрожают ни одному народу Европы. Но уже захват Чехии и Моравии в марте 1939 г. разоблачил характер этого «собирания». Национальная территория была истолкована как пресловутое «жизненное пространство». Однако и после порабощения Чехии и Моравии гитлеровские «теоретики» продолжали с исключительной наглостью твердить о своей преданности концепции национального государства. Буквально за несколько дней до грабительского нападения на Польшу, имевшего своим результатом ликвидацию независимости Польши, официальное издание германского министерства иностранных дел невозмутимо утверждало, что «Чехия и Моравия — это совершенно исключительный случай», обусловленный, якобы, особым географическим положением Чехо-Словакии и не терпящий никаких аналогий и никакого распространительного толкования. За исключением случая с Чехией и Моравией национал-социализм-де продолжает стоять на точке зрения национального государства. Вскоре число «исключений» стало быстро возрастать. «Исключения» сделались правилом. Теперь национал-социалистские теоретики даже на словах не могут больше поддерживать легенду о своей верности идеалу национального государства. Этот идеал открыто подвергается ревизии. Так, в руководящем фашистском юридическом журна-

ле в 1941 г. мы читаем: «Немецкая теория в последние годы исходила в основном из концепции национального государства, государства, основанного на национальном принципе, границы которого совпадают с национальными. Но требование, чтобы каждый народ имел свое независимое государство, уже не согласуется с необходимостью сплочения европейского пространства в крупное пространственное образование, в котором ведущим нациям должно принадлежать иное место, чем маленьким народам, включенным в этот пространственный порядок. Настал момент для того, чтобы вновь поднять самостоятельное значение государственной формы для построения комплекса властвования, выходящего за пределы национального ядра ведущей нации»[1].

В Германии выродилась наука, но еще сохранилось то искусство, которым всегда славились германские профессора — искусство с помощью напыщенной, «глубокомысленной» и нарочито темной фразеологии прикрывать убожество и бесплодие мысли и логически «дедуцировать» все, что есть подлого и отвратительного в порядках Германии и поведении ее правителей. Невольно вспоминается бессмертная характеристика, данная германским профессорам Салтыковым-Щедриным: «Они устраивают обстановочки, придумывают оправдательные теории в пользу совершившихся фактов и скромно пользуются присвоенным им отличным содержанием».

Итак, концепция национального государства подменяется концепцией «большого пространства», исключающего независимость и политический суверенитет народов. Понятия суверенитета, национального государства и т. п. должны быть «преодолены» во имя создания большого пространства, что позволит-де «рационально» организовать хозяйство. А эта «организаторская» задача, естественно, может быть выполнена лишь германским «гением». Неве-

---

[1] „Цейтшрифт фюр ди гезаммте Штаатсвиссеншафт", 1941 г., том 101, вып. 2, 264.

дущим нациям на этом пространстве «милостиво» обещается, взамен отнимаемой у них независимости, лишь культурная автономия, границы которой, очевидно будут устанавливаться «ведущей» нацией. Согласно заявлению Зейс-Инкварта «Европа станет территорией, где не будет больше независимости ни для кого. Однако автономность в области интелектуальных и культурных вопросов будет возможна».

Таким образом отрицание концепции национального государства обосновывается геополитической теорией «большого» пространства. Но известно, что геополитика отнюдь не является новым оружием в фашистском арсенале. Наряду с расовой теорией она давно уже является основой фашистского мировоззрения. Новое только в том, что еще недавно эти «теории» мирно уживались с концепцией национального государства, поскольку последняя была предназначена на экспорт, а первые две в основном предназначались для внутреннего потребления. Тот факт, что исключающие друг друга взгляды могли так свободно умещаться в рамках одного «мировоззрения», не может удивить того, кто знает цену фашистским потугам создания наукообразной «теории». Ни о какой логической последовательности и цельности тут не может быть и речи. Говорится все, что в какой-либо мере может быть использовано внутри страны или вне ее, по старому мефистофельскому рецепту, изложенному в гетевском «Фаусте»:

«Коль недочет в понятиях случится,
Там громкое словечко пригодится».

При этом даже не делают попыток выпутаться из возникающих на каждом шагу противоречий.

В настоящее время экспортировать «теорию» национального государства, ссылаться на нее становится опасным. Эта теория может быть использована народами, борющимися за свою независимость, поруганную фашистской Германией, против Германии. Национальное государство заменяется новым экспортным товаром под наименованием «новый порядок» с фабричной маркой made in Germany

(изготовлено в Германии). Концепция «нового порядка» открыто прокламирует руководящую, организующую роль Германии и необходимость «большого пространства».

Поскольку эта теория рассчитана на экспорт, она ставит своей задачей маскировать подлинную идеологию и цели гитлеризма, неограниченное хозяйничание Германии и ограбление ею всей Европы фразами о «руководстве», «организации», «оформлении» большого пространства, якобы для блага самих «организуемых» и «оформляемых» народов.

Подлинная «идеология» гитлеризма — если можно говорить об «идеологии» уголовной шайки — находится в самом резком и непримиримом противоречии с идеей равенства и независимости народов, исключает свободу наций и их самоопределение. Идеология гитлеризма — идеология порабощения человечества и истребления целых народов.

Основными моментами в этой идеологии является «теория» высших и низших рас (расизм) и «теория» жизненного пространства (геополитика).

Согласно «теории» расизма нет человечества, как единого биологического вида, а существуют различные виды людей, столь же отличные друг от друга, как отличны друг от друга виды животных (полигенез, т. е. учение о происхождении разных групп людей от различных животных форм, независимо друг от друга, против моногенеза, т. е. учения о единстве происхождения человеческого рода, принятого современной наукой). Естественно, что в отношениях между отдельными «видами» людей не могут иметь значимости какие-либо моральные нормы, поскольку отсутствует единая основа для таких отношений. Человек «высшей» расы — это есть, якобы, человек в собственном смысле слова. В отношении «низших» людей, или людей «низших видов», являющихся не более, как полуобезьянами, он может руководствоваться теми же чисто утилитарными соображениями, т. е. соображениями пользы, что и в отношении животных. Гитлер так и говорит о «применении людей низших видов», как говорят о применении машин. Согласно его утверждению, применение рабского труда пред-

шествовало во времени приручению животных и является более первичным, более естественным. По существу трудно понять, что могло бы удержать гитлеровца — кроме разве опасения осквернить кровью существа «низшей» расы — от съедения человека «низшего» вида, который является даже не человеком, а «подчеловеком», человекоподобным существом, неспособным к человеческим мыслям и чувствам, неспособным ни к творчеству, ни к восприятию культуры, а в лучшем случае могущим быть лишь выдрессированным. Негр-адвокат, по мнению Гитлера, это не что иное, как выдрессированная полуобезьяна. «Расстояние между человеком высшего вида и человеком низшего вида более значительно, чем расстояние между человеком низшего вида и обезьяной»,— вещал Гитлер своим звероподобным соратникам на Нюренбергском съезде в 1936 г. Дело не меняется от того, что признается наличие промежуточных рас между высшей расой и «полуобезьяной»-негром в виде рас, неспособных к культурному творчеству, но по крайней мере, способных к механическому восприятию культуры (вроде японцев).

Презрение к человечеству пронизывает всю идеологию фашистов. О чехах они заявляют, что в них есть «какой-то глубокий порок, который, как тайный червь, поедает их». Чехи и поляки — это «импотентные, малоценные, нахальные народы». Венгры — это народ, «заблудившийся» в Европе и являющийся чужим в составе европейской языковой семьи. Поляки «неряшливы и ленивы». Французы — «негроиды и ублюдки». Англичане — это «выродившееся племя плутократов, неспособных более к творческой жизни». В русской крови есть что-то «нездоровое, незаконнорожденное» и т. д. и т. п.

Права человека «высшего» вида над людьми «низших» видов, по утверждению фашистов, являются неограниченными. Основой этих прав является то, что высшая раса не может-де творить культуры без «применения людей низших видов» в качестве одушевленных орудий физического труда. Для выполнения своей культурной «миссии»,

для создания «высшего» человеческого вида высшие расы должны «использовать» и «низшие» расы, поработить их. «Высшая» культура — культура «нордическая» — не может быть создана без рабства. Для подтверждения этого положения Гитлер ссылается на античность, игнорируя все развитие техники за 2 тысячелетия, сделавшее рабский труд не только ненужным, но и экономически нецелесообразным.

Восстановление рабства — такова одна из главных задач фашизма, и она, как мы видели, непосредственно и с необходимостью вытекает из расового учения. Возрождение рабства рассматривается как восстановление «естественного» порядка вещей, нарушенного «либерально-демократическим извращением природы». Для расы господ повелевать такая же естественная необходимость, как повиноваться — для расы рабов. В беседах с Раушнингом Гитлер обрисовал картину «нового порядка»: «В будущем социальном строе будет класс господ и средние классы. Далее, в нем будет огромная масса вечных слуг. Еще ниже мы будем иметь класс побежденных чужестранцев, тех, кого мы хладнокровно называем современными рабами». Переводя это указание фюрера на более благопристойный язык, наместник Западной Польши (Вартеланда) Грейзер подчеркивает, что «основным принципом национальной политики германской империи является разделение национальных групп», т. е. возведение непереходимых барьеров между «нацией господ» и «нациями рабов». Расовая теория — это теория, которая должна служить «хладнокровным» обоснованием восстановления рабства, к которому стремится фашизм. Таково гитлеровское «разрешение» национального вопроса.

Расисты, конечно, не могут не признать, что связь между расой и нацией, так же как между расой и языком, не является однозначной, что каждая нация включает разнородные расовые элементы и что одна и та же раса может быть представлена в нескольких нациях.

Фашисты вынуждены признать это, разумеется, не в

силу очевидности факта — им не привыкать стать итти против очевидности. Они признают расовую разнородность прежде всего потому, что ее можно использовать как во внутренней, так и во внешней политике. Внутри страны признание расовой разнородности германской нации используется для обоснования необходимости политического господства одной части нации, наиболее «ценной» в расовом отношении, а именно нордических гитлеровских «сверхчеловеков» над менее ценными «остами», «вестами», «динарами» и явно малоценными и низкопробными темноволосыми альпийцами (различные расовые элементы германской нации, согласно учению «расовиков»). Сохранение и выдвижение к власти наиболее «ценных» в расовом отношении элементов народа — это, по Гитлеру, основная цель, основное назначение государства. Расовое неравенство служит для оправдания и обоснования социального неравенства. Право помещиков и фабрикантов на экономическое руководство, на ренту и прибыль «доказывается» их более высокими расовыми качествами, а доказательством этих качеств служит, в свою очередь, факт принадлежности к экономически господствующим классам. Ведь экономическая нужда, бедность — это, согласно расистскому «теоретику» Ленцу, признак расовой неполноценности. Гитлеровский юрист Николаи оправдывал феодальное «право первой ночи» тем, что оно способствовало «облагораживанию» массы семенами высшей расы. Поистине, нет такой мерзости в историческом и доисторическом прошлом человечества, которая не нашла бы своего апологета и защитника среди фашистских «теоретиков».

Расовая разнородность немецкого народа служит «обоснованием» режима политического неравенства и бесправия немецкого народа, «обоснованием» права на неограниченную политическую власть фашистских «господ». Нужды нет, что при проверке сами главари фашистской партии оказываются весьма сомнительными представителями нордической расы. На этот случай уже состряпана Розенбергом особая теория «расщепления расовых признаков», по

которой духовная суть расы может в той или иной особи разойтись с ее внешним выражением. Не трудно понять, что эта «поправка» сводит к абсурду всю расовую теорию. Так же как союз Германии с монгольской Японией, славянскими Словакией и Хорватией, отнюдь не арийскими Венгрией и Финляндией против германских по происхождению и языку Англии, США, Норвегии, Голландии — весьма мало согласуется с теорией о борьбе высших и низших рас, как основном содержании истории.

Расовая теория — это теория, специально придуманная для обоснования и оправдания самого чудовищного, самого оголтелого национального неравенства, угнетения, эксплоатации.

Расовая теория в достаточной мере разоблачает лицо и замыслы фашистских поработителей.

В не меньшей степени это относится и к пресловутой лженауке — геополитике, основанной «ученым» генерал-майором Гаусгофером. Суть этой «науки» заключается в том, что явления и факты политической географии изучаются не в их «статике», а в «динамике», т. е., в переводе на понятный язык, не с точки зрения того, что есть, а с точки зрения того, что необходимо для обеспечения «жизненного пространства». Геополитика изучает «законы» экспансии государств, изображая ее как вполне закономерное явление, а стремление к экспансии, как нечто, обусловленное самой природой вещей и действующее с естественной необходимостью. В сочетании с расовой теорией геополитика пытается обосновывать тот «высший» долг перед человечеством, который якобы лежит на германской расе, а именно — завоевание территории в целях «самосохранения» расы.

Подхватив геополитическую фикцию «жизненного пространства», Гитлер выдвинул требование обеспечения территории, достаточной для «прокормления»... 250 млн. немцев, которые будут существовать через 100 лет (эту цифру можно было бы, разумеется, с одинаковым основанием удвоить и утроить). При этом обходится молчанием вопрос

о миллионах га, принадлежащих германским помещикам в самой Германии при наличии массы безземельного и малоземельного крестьянства. Захваченная территория, по замыслу Гитлера, должна стать такой же органически германской, какой стала территория истребленных полабских славян и литовского племени пруссов, давшего свое имя нынешней архигерманской Пруссии. «Исторически полезной,— заявляет Гитлер,— оказалась лишь германизация почвы, завоеванной нашими предками и заселенной нашими крестьянами». Под «германизацией почвы» понимается колонизация ее немцами, ликвидация местного населения путем его истребления или выселения («Славян в Сибирь!» — вопит Гитлер). «Первая задача нового порядка,— пишет геополитик Хунке,— это обеспечить достаточное сплошное пространство в Европе для того, чтобы немецкий народ мог жить и возрастать в численности».

Право на территорию,— утверждает Гитлер,— основано только на факте захвата. Ни один народ не владеет своей территорией на основе какого-либо высшего права, и поэтому ничто не может помешать немцам лишить этот народ его территории и установить по своему усмотрению новые границы.

Геополитика подсказала Гитлеру то «открытие», которое он торжествующе преподнес германскому народу в своей книге «Моя борьба», а именно, что корень всех зол и бедствий Германии лежит в недостатке территории и что единственным радикальным методом для решения всех внешних и внутренних проблем и трудностей немецкого народа является захват чужой территории. В течение двух десятилетий гитлеризм внедрял в сознание германского народа идеологию международного вора и разбойника, не останавливающегося ни перед чем для достижения своих грязных целей, не связанного никакой моралью и долгом в своих международных отношениях, кроме «долга» перед своей «высшей расой», заключающегося в захвате чужих территорий и истреблении других народов. Кровавый палач Гитлер заранее запасся «отпущением» будущих

грехов. Он заявил в своей бредовой книге «Моя борьба», что война ради расширения территории оправдывает любые жертвы и что будущие поколения освободят от кровавой вины и от ответственности за заклание своего народа государственного деятеля, который поведет такую войну, ибо каждая жертва, павшая в войне за расширение «жизненного пространства», дарует потомству тысячи новых жизней. Исходя из этого расчета, Гитлер уже сейчас может гордиться тем, что «даровал» жизнь нескольким миллиардам немцев.

Лженаучным методом геополитика строит понятие «восточного пространства», охватывающего Польшу и европейскую часть СССР, которое якобы уже в силу своей «конфигурации» (своих внешних очертаний) должно принадлежать Германии в качестве ее «жизненного» пространства. В связи с германскими завоеваниями на Западе и на Балканах было сконструировано понятие «европейского пространства», которое тоже, разумеется, должно принадлежать Германии, как сфера и основа ее мирового господства. Создание «европейского крупного пространства», по утверждению геополитика Вольтата, означает превращение всей Европы в «европейскую сферу интересов Германии». Уже сейчас выдвигаются понятия еврафриканского, евразиатского и мирового пространства. Если «восточное пространство» должно служить прежде всего полем колонизации для «избыточного» населения Германии, то европейское пространство прежде всего должно служить для Германии рынком сбыта, продовольственной и сырьевой базой, сферой приложения капиталов и — самое важное — военно-стратегическим плацдармом для дальнейших захватов. Уже в «Моя борьба» Гитлер указывал, что после захвата территорий, нужных для прокормления «нации господ», встанет вопрос о захвате территорий, нужных с военно-стратегической точки зрения для обеспечения ранее захваченных территорий.

Это «рассуждение», естественно, можно продолжить до бесконечности.

Превращение европейского пространства в сферу колониальной эксплоатации прикрывается фиговым листочком создания «европейского блока», «разделения труда», «специализации районов», «рационализации» и т. п. При этом делается вывод, что отдельные части этого пространства должны отказаться от политического суверенитета. Таким суверенитетом наделяется пространство в целом, т. е. руководящая держава — Германия.

С этими рассуждениями смыкается и фашистская «концепция» международного права, превращающая это право в свою прямую противоположность. Понятия равенства и суверенитета государства, служившие краеугольными камнями международного права, объявлены «безнадежно устаревшими». Вместо них выдвигается деление государств на «ведущие» державы, имеющие право по своему усмотрению и в своих интересах оформлять политические отношения в пределах своего «державного» пространства, с одной стороны, и все прочие государства в качестве их вассалов — с другой.

Сущность геополитики заключается в «обосновании» «права» «ведущей» державы Европы, т. е. Германии «оформлять» все пространство Европы и не только Европы, но и всего мира в соответствии со своими нуждами и потребностями, нимало не считаясь с интересами «низших рас», которые должны быть истреблены, изгнаны, порабощены. Геополитика и признание права наций на независимость абсолютно несовместимы, непримиримы.

Расизм и геополитика — это два друг друга дополняющих компонента фашистской идеологии, с его двойным символом веры: «кровь и почва». И оба сводятся по существу к одному — признанию неограниченного права Германии на порабощение, угнетение и истребление других народов и захват их территорий. Для идеологии фашизма национальное угнетение — это не побочный момент, это — момент коренной, конститутивный, образующий самую сущность этой идеологии, ее основное ядро, от нее абсолютно неотделимое. Насилие над народами возводится в ос-

новной принцип истории и главное правило поведения, превращается в новый категорический императив[1]. Отберите этот момент, и в идеологии фашизма ничего не останется. Правящая германская плутократия, германский монополистический капитал, юнкерство и военщина видят единственный путь спасения своих политических и экономических позиций в развращении и отравлении народного сознания немцев самым диким шовинизмом, в захвате чужих территорий, в завоевании мирового господства, в установлении рабовладельческого «нового порядка», несущего смерть и гибель народам Европы и всего мира.

Гитлеровский „новый порядок" — рабовладельческий порядок, основанный на чудовищном национальном гнете

На развалинах европейских городов и государств германский фашизм, торжествуя свои эфемерные «победы», провозглашает установление «нового порядка», лицемерно обещает народам порабощенных стран обеспечение «мирного сотрудничества» народов в рамках гитлеровского «нового порядка».

Еще в «Моя борьба» Гитлер обещал человечеству «мир, обеспеченный не пальмовыми ветвями пацифистских плакальщиц, а победоносным мечом народа господ, подчиняющего вселенную задачам высшей культуры». В устах кровавого шута Гитлера кощунственно звучат слова о мире и культуре. Мы знали, что фашизм воскуривает фимиам войне, что прославлению войны посвящены бредовые писания фашистов, что вечная война между народами — основной закон для фашистов. И вдруг оказывается, что Гитлер непрочь признать возможность и закономерность чуть не вечного мира, но при одном условии — что этот мир будет продиктован Гитлером униженным и порабощенным наро-

---

[1] Безусловное веление, определяющее поведение людей, по учению философа Канта.

дам, признавшим власть над собой коричневого завоевателя. Гитлер даже согласен великодушно даровать жизнь и терпеть некоторую видимость государственности народов «низшей расы», но при условии, что они покорно примут мир с острия фашистского «победоносного меча», подчинятся господству «высшей» расы фашистских грабителей, осуществляющей задачи «высшей» культуры путем «применения» и эксплоатации людей низших видов. Но, очевидно, этот „мир" призван служить лишь *подтверждением* фашистской «теории» о неизбежности войн, ибо этот «мир» будет представлять, и не может не представлять, лишь. цепь непрерывных войн народов против своих поработителей, поскольку ни один народ никогда не примирится с таким «миром», построенным на беспощадном национальном угнетении.

«Мир», основанный на абсолютной гегемонии германского фашизма и порабощении покоренных народов, «мир» рабства одних и разнузданного произвола других — это и есть пресловутый гитлеровский «новый порядок».

Тщетно было бы искать в работах фашистских «теоретиков» раскрытия конкретного положительного содержания этого «нового порядка», помимо общих пустых фраз о большом «пространстве», о «сотрудничестве» в рамках этого пространства «ведущих» и «ведомых» наций, об «оформлении» этого пространства на основе разделения труда, устранения ненужной (ненужной, разумеется, Германии) конкуренции и т. п. Да это и вполне понятно. Всякая развернутая характеристика содержания «нового порядка» раскрыла бы весьма односторонний характер этого «сотрудничества» и «оформления».

Политическое и хозяйственное значение для Германии, и в первую очередь для германского монополистического капитала, чужих территорий вполне ясно и без длительных разъяснений. Гораздо труднее «объяснить», что выгадают малые государства от того, что они будут включены в «большое пространство», полностью контролируемое и по произволу организуемое и управляемое гитлеровской Герма-

нией. А ведь в доказательстве этого недоказуемого положения и заключается основное назначение мошеннических манипуляций вокруг «нового порядка». Пресловутый «новый порядок» гитлеровцы выдумали для того, чтобы во время войны облегчить использование экономических и людских ресурсов побежденных стран и народов в интересах гитлеровской Германии, ослабить сопротивление этих народов гитлеровскому режиму гнета и насилия, преподносимому как «новый порядок» в Европе. Пророки «нового порядка» характеризуют его как порядок, преодолевающий старую раздробленность и балканизацию Европы, как отказ от старого принципа равенства и суверенности всех больших и малых государств, отказ от принципов либерализма в отношениях между народами, отказ от ненужного параллелизма и т. д. На самом же деле старая балканизация и раздробленность «преодолеваются» тем, что все народы втискиваются в одну каторжную колодку «нового порядка». Фашистские проповедники разглагольствуют о том «благодетельном» влиянии, которое «новый порядок» оказывает на внутренний строй отдельных государств: о «преодолении» борьбы классов, об «элиминировании (устранении) еврейского влияния», о ликвидации либерализма, парламентаризма, эгалитаризма[1], демократии и т. д. Подручные Гитлера в покоренных странах, рабски копируя своего хозяина, расписывают о национальной «революции», национальном единстве, возрождении национальных ценностей — хотя совершенно очевидно, что речь идет лишь о величайшем национальном предательстве. Ибо, если в устах Гитлера ссылка на интересы нации, на национализм для оправдания захватов и агрессий, покорения и ограбления других народов есть гнусная ложь, то в устах лавалей и квислингов, павеличей и недичей, гах и махов ссылка на интересы нации для оправдания капитуляции перед агрессией, отказа от национальной независимости есть не только гнусная ложь, но и величай-

[1] Стремление к равенству людей.

шее бесстыдство и бессмыслица. Что такое петэн-лавалевская «национальная революция» и «возрождение национальных ценностей»? Это есть отказ от всего того, что составляло национальное величие Франции, определяло ее мировое значение для истории и современности, отказ от лучших традиций нации и величайших достижений ее гения, санкционирование национального унижения Франции.

«Новый порядок» в Европе — есть порядок самого беспощадного, самого безудержного и озверелого национального гнета. Основным принципом этого порядка является политическое господство Германии над всеми народами порабощенных Германией стран. Суть «нового порядка» исчерпывающим образом сформулировал гитлеровский наместник Западной Польши Грейзер: «Отныне на этой земле немец будет господином, а поляк слугой».

Неуверенность в завтрашнем дне перед лицом возрастающей мощи антигитлеровской коалиции и огромное численное превосходство зависимых народов над немцами заставляют фашистских заправил прибегать до поры до времени к разнообразным формам и методам политического господства — от полного фактического и формального подчинения, сопровождающегося лишением всяких даже формальных остатков самостоятельности и государственности (Польша), до формально-равноправных союзных отношений (Италия) со всякими промежуточными и переходными формами. Создание этой иерархии имеет своей задачей воспрепятствовать образованию единого фронта борьбы всех народов, угнетаемых гитлеризмом, но оно не меняет существа полной политической зависимости народов оккупированных стран от гитлеровской Германии. Создание иерархии не меняет существа гитлеровской политики беспощадного экономического ограбления, культурного порабощения, социального закабаления трудящихся и проводимого прямо или косвенно физического истребления народов в целях очищения почвы для «избранной» германской расы.

Но это значит, что «новый порядок» с момента его возникновения раздирают глубочайшие противоречия. Попытка установить господство одной нации над всеми остальными противоречит всему ходу исторического развития человечества. Это развитие характеризуется пробуждением национального самосознания угнетенных и ранее отсталых наций, их стремлением к образованию национальных государств и развитию своей национальной культуры и языка. К этому ведет все экономическое и культурное развитие народов. Интересы развития производительных сил требуют всестороннего и полнокровного развития экономики отдельных стран, что невозможно при условии политического господства одного народа над другими. Попытка повернуть вспять колесо истории, аграризировать индустриальные страны, превратив их в сырьевой придаток хозяйства нации-господина неминуемо должна окончиться банкротством хотя бы уже потому, что сама господствующая нация не может обойтись без известного уровня промышленного развития зависимых стран и грамотности их населения, а это в конечном итоге оборачивается против стремления господствующей нации к экономическому подавлению, к обескровливанию покоренных наций.

Ослабление военной машины Германии, сильно потрепанной на полях сражения на Востоке, прогрессирующее истощение людских резервов приводят уже сейчас к росту зависимости Гитлера от своих же вассалов и от самих порабощенных им стран.

Фашисты клеймят XIX век как век, введший в обиход «извращенные» понятия свободы и равенства людей. Но отравленные стрелы фашистской критики ничего не могут поделать с тем непреложным фактом, что развитие человечества с неизбежностью прогрессирует, а это приводит к тому, что все большее количество людей все более решительно, отнюдь не считаясь с фашистскими «доказательствами» неравенства, неполноценности людей, масс, рас, наций, выступает против всяких привилегий и ограничений национальных или классовых, против всяких ограничений

своей свободы, национальной или социальной, с требованием национального и социального равенства. Нелепо и бессмысленно полагать, что можно будет целые нации или расы убедить в том, что они рабы от природы. Тем более, что этот тезис опирается как на свою «научную основу» только на заклинания фашистских кудесников.

Неопровержимым доказательством слабости и неустойчивости «нового порядка» являются те «аргументы», к которым прибегают фашисты для того, чтобы убедить народы в необходимости принять этот «новый порядок» — зверский террор в захваченных гитлеровскими полчищами странах Европы, чрезвычайные положения, массовые казни, убийства заложников, уничтожение целых деревень и городов, концентрационные лагери, тюрьмы и т. д.

Основное значение имеет тот факт, что народы не желают добровольно примириться с положением низших рас и отвергают приносимые им дары данайцев в виде «нового порядка». Народы не хотят быть уничтоженными или низведенными до уровня рабов, и это нежелание действительно заложено в природе людей, наций и рас. Они сопротивляются, и это сопротивление срывает сатанинские замыслы их поработителей. Строй, основанный на насилии, противоречащий кровным интересам народов, не может быть прочным. Он несет в себе быстро созревающие семена своего распада.

Национальное неравенство и угнетение — это одно из основных внутренних противоречий фашистского «нового порядка» в Европе «Только гитлеровские самовлюбленные дурачки не видят, что «новый порядок» в Европе и пресловутая «основа» этого порядка представляют вулкан, готовый взорваться в любой момент и похоронить немецкий империалистический карточный домик»[1].

---

[1] Сталин. Доклад на торжественном заседании Моссовета 6 ноября 1941 г.

Практика германского фашизма как носителя беспощадного национального угнетения

Как мы видели, основа «нового порядка» заключается в чудовищном политическом закабалении, экономическом ограблении, культурном гнете и систематическом истреблении народов.

Остановимся, прежде всего, на политических формах национального угнетения европейских народов фашизмом. «Новый порядок» открыто провозглашает не только фактическое, но и формальное господство «ведущей» нации над всеми остальными. Основным политическим принципом «нового порядка» объявляется «преодоление» суверенитета и независимости славянских народов, ибо они «низшая» раса, недозревшая до государственной самостоятельности. Впрочем, к категории «низшей расы» отнесены и ближайшие «родственники» немцев по расе — голландцы и норвежцы, которые были специальным циркуляром Бормана и Розенберга в октябре 1942 г. разжалованы и за «дурное поведение» исключены из состава «нордической» расы.

Планы фашизма предполагают непосредственное включение в состав Германии значительных территорий в центральной Европе и прилегающих районах. Эльзас-Лотарингия, Западная Польша, большая часть Швейцарии, Чехо-Словакия, быть может, также Голландия, а возможно и Бельгия и северная Франция, являющиеся согласно утверждению «Берлинер Берзенцейтунг» «искони германскими странами, забывшими о своем происхождении» — все это по планам Гитлера должно быть непосредственно включено в состав Германии. «Великая Германия» составляет, как выражается Гитлер, «стальную сердцевину» империи. К этой великогерманской территории должны примыкать огромные пространства на Востоке, так называемый Остлянд, который Германия намеревается колонизовать.

На этой территории полнотой политической власти и правами гражданства должны пользоваться лишь германские колонисты, а местное население, поскольку оно избежит истребления, будет переведено на положение бесправных подданных «низшей» категории. Польское генерал-губернаторство Гитлер предполагает сдалать образцом намечаемой системы управления покоренными народами. В эту систему он думает втиснуть помимо польских также балтийские, украинские, белорусские и русские земли вплоть до Ленинграда, Москвы, если не Урала и Каспийского моря. С Юга, Запада и Севера Германия и ее колонии окружены большим количеством вассальных государств, народы которых должны работать на Германию, поставлять ей рабов, продовольствие и другое сельскохозяйственное сырье, а в случае необходимости, также пушечное мясо для дальнейших захватов.

Это «устройство» иногда прикрывается проектами «европейской федерации». Но это — федерация особого рода. Ее основным принципом является отрицание равенства. Недаром Гитлер заявлял: «Я никогда не соглашусь предоставить другим народам равные права с немцами». Члены этой федерации,— заявляет Гитлер Раушнингу,— не будут равноправны с немцами. Союз второстепенных народов, не имеющих армий, не ведущих собственной политики, не имеющих собственной экономики,— вот в чем будет эта «федерация». Только один член этой федерации, а именно Германия, должна располагать вооруженной силой, военной промышленностью и правом вести внешние сношения. Все остальные члены не субъекты, а объекты федерации. Не приходится говорить о том, что подобная «федерация» противоречит самому смыслу и основным принципам федеративного государственного устройства, даже буржуазного.

Как уже указывалось, политическая необходимость требует в настоящее время от Германии диференцировать формы своего господства над странами Европы, а иногда их прикрывать фикцией союза. Это дает возможность

порабощать нации поодиночке и даже пользоваться услугами одних наций в качестве союзников для порабощения других. Народам этих стран навязаны вассальные отношения под видом «союза», военная оккупация под видом «военной помощи», германские наместники-штатгальтеры под видом «дипломатических представителей». Гитлеровцы создают в этих странах привилегированные касты господ под видом обеспечения прав немецких меньшинств; промышленные, продовольственные и сырьевые ресурсы этих стран переходят к Германии под видом «экономического сотрудничества».

Различие между «союзными» и оккупированными странами уже сейчас является относительным. Народные массы «союзных» государств подвергаются почти не меньшему угнетению и ненавидят германский фашизм не в меньшей степени, чем народные массы оккупированных стран.

В действительности Европа «нового порядка» — это уродливо разросшаяся и разбухшая за счет порабощенных тем или иным способом стран германская империя. Дифференциация методов угнетения обусловливает лишь некоторые внешние различия в формах политической зависимости этих стран от Германии.

В соответствии с заранее предначертанными планами уже сейчас часть захваченных территорий непосредственно включена в состав Германии, полностью утратив не только свою национальную государственность, но и право на какое-либо управление, приспособленное к ее национальным особенностям. Сюда относится Западная Польша, т. е. наиболее богатая и наиболее развитая в индустриальном и сельскохозяйственном отношениях часть Польши, преобразованная в две имперские области (Данциго-Западнопрусская область и область Вартеланд), а частью даже включенная в состав Пруссии (польская верхняя Силезия). На западе подобной же участи подверглась Эльзас-Лотарингия. Такое «решение» территориального вопроса должно сосредоточить в границах Германии важные отрасли промышленности и предоставить немедленно территорию

для немецкой кулацкой колонизации. Оно сопряжено с выселением значительной части «туземцев» поляков из западной Польши и французов и тяготеющих к Франции эльзасцев из Эльзас-Лотарингии, ибо на этих территориях должна быть полностью проведена в кратчайший срок «германизация почвы». Места выселенцев должны занять и уже занимают немецкие колонисты. В Западной Польше процент немцев уже поднялся с 5 до войны до 50 в 1941 г. Выселение «туземцев» фактически обрекает их на гибель.

Другая часть захваченной территории получила особое управление чисто колониального характера. Это уже не непосредственная часть империи, а ее колониальное владение. Такой характер имеет управление в польском генерал-губернаторстве и протекторате Чехии и Моравии. Согласно определению самого гитлеровского генерал-губернатора Франка, генерал-губернаторство — это не часть империи, а страна-придаток или «побочная часть» германской империи, т. е. выражаясь попросту, ее колония. Действительно, формы управления генерал-губернаторством ничем не отличаются от форм управления наиболее бесправными и наиболее угнетаемыми колониями, вроде корейского генерал-губернаторства в Японии, бывшей итальянской восточной Африки и т. п. Во главе генерал-губернаторства стоит германский генерал-губернатор, назначаемый фюрером. Все центральные ведомства и областные управления возглавляются опять-таки немецкими чиновниками. Поляки допускаются лишь к занятию второстепенных подчиненных постов в аппарате управления и полиции. В городах и селах имеются бургомистры и старосты, назначаемые германскими властями из «проверенных» местных людей. Во главе еврейских общин стоят опять-таки назначаемые «еврейские советы». Разумеется, ни о каком выборном начале говорить не приходится. Полное устранение местного населения от участия в государственном управлении — таков принцип устройства колониального генерал-губернаторства. Недаром германская газета «Дей-

че Альгемейне Цейтунг» писала, что «основная цель генерал-губернаторства сводится к тому, чтобы не допускать поляков к политической жизни, к которой они неспособны». В привилегированном положении находятся немцы, бывшие польские граждане, получившие права германского гражданства.

Управление протекторатом Чехии и Моравии построено полностью по образцу управления колониальными протекторатами, т. е. опять-таки представляет собой вид колониального управления. Оно отличается от генерал-губернаторства наличием номинального «туземного» чешского правительства и даже номинального «главы протектората». Однако все действия этого правительства и главы протектората, назначаемых германским фюрером, полностью подконтрольны подлинному хозяину в протекторате — германскому протектору. Протектор вправе наложить вето на любое решение чешского правительства и главы протектората и даже приостановить исполнение вступивших в законную силу судебных приговоров. В каждой области протектората над чешскими местными властями стоит немецкий оберландрат. Целый ряд вопросов и отраслей управления изъят из ведения чешских органов и непосредственно подчинен органам империи в центре и в протекторате. Немцы, живущие в протекторате, в том числе и бывшие чехо-словацкие граждане, рассматриваются как германские граждане, пользуются экстерриториальностью и не подсудны судам протектората. Дела между немцами и чехами, а также дела чехов, обвиненных в преступлениях, направленных против Германии, подсудны не чешским, а германским имперским судам, судящим по германским законам. Во время войны чешские органы, как «неблагонадежные», утратили последнюю видимость своих прав, вся власть сосредоточена в руках протектората, гестапо и германских военных судов, не остановившихся перед казнью главы правительства протектората Эльяша.

В других завоеванных странах существует оккупационный режим, предоставляющий полноту власти германскому

военному командованию. Дело не меняется от того, что в некоторых из этих стран германское военное командование привлекло к «сотрудничеству» местных квислингов, образовав местные марионеточные правительства вроде правительства «премьер-министра» Квислинга в Норвегии, Недича в Сербии, Чолак-Оглу в Греции и т. д. Уже сейчас делаются попытки увековечить этот оккупационный режим в несколько «смягченной» форме в виде заключенного в сентябре 1941 г. «соглашения» гитлеровского наместника Норвегии Тербовена с Квислингом о будущем положении Норвегии. По этому соглашению Германия обещает упразднить после войны германскую гражданскую администрацию в Норвегии, однако при условии, что к этому времени квислинговская партия «национального единения» будет достаточно сильной для удержания власти. Другими словами, Германия навязывает Норвегии господство партии, являющейся по существу лишь филиалом фашистской партии. Германия даже обещает увести свои оккупационные войска — но лишь после организации новой норвежской армии, под руководством германских инструкторов и офицеров, ядро которой будут составлять фашистские отряды хирды и нурланды, являющиеся филиалом германских штурмовых и охранных отрядов. Помимо этого, Германия получает некоторые опорные пункты, обеспечивающие за ней полный контроль над страной. Господство над экономической жизнью и алюминиевая монополия дополняют картину. Таким образом здесь по существу имеем дело тоже со своего рода протекторатом. Но и эти «обещания» откладываются на неопределенный срок; пока же проводится политика чрезвычайного положения. Норвежские чиновники, даже квислинговцы, заменяются немцами, подготовляется полная «унификация» Норвегии.

Наконец, категорию зависимых стран составляют так называемые союзники, играющие роль вассалов империи. Это те государства, народы которых могут быть пока еще использованы в войне как убойный скот и полное поглощение которых в силу этого откладывается до более бла-

гоприятного случая. Но уже сейчас эти государства доведены до полной фактической вассальной зависимости от Германии. Такие «государства», как Словакия и Хорватия, даже формально мало чем отличаются от протекторатов. Они связаны с Германией и Италией неравноправными договорами, содержащими и формальное ограничение их суверенитета. Венгрия, Болгария, Финляндия, Румыния присоединились, как Словакия и Хорватия, к тройственному пакту трех держав, признав право Германии и Италии на организацию «нового порядка», и тем самым отказались от своей независимости. Имеется, наконец, в лице Италии союзник, за которым признано самой Германией равноправное с Германией участие в деле организации «нового порядка». Однако, все эти различия в юридическом положении союзников отнюдь не затрагивают существа их вассального положения в системе временно гитлеризованной Европы.

Территории «союзников» оккупированы Германией. Роль германских протекторов выполняют здесь германские послы, которые даже в Италии принимают участие в заседаниях правительства и диктуют ему решения. В Италии во всех министерствах сидят германские чиновники. В каждом министерстве имеется немецкий отдел под названием «бюро связи». В армии распоряжаются германские военные власти. «Союзные», наравне с оккупированными странами, обязаны своему сюзерену данью — продовольствием, пушечным мясом и белыми рабами, импортируемой в Германию рабочей силой. При таких условиях самостоятельность «союзников» является чистейшей фикцией.

Это теперь выбалтывают в минуты откровенности и сами «теоретики» «нового порядка». Так гитлеровец Вернер Баст, в статье в журнале «Цейтшрифт фюр Политик» устанавливает четыре формы германского управления в странах Европы: германское «союзническое управление» (Италия), германское «контрольное управление» (Франция, Венгрия), германское «правительственное управление», возглавляемое имперскими комиссарами (Голландия, Нор-

вегия) и, наконец, германское «колониальное управление» (Восточная Европа).

Таким образом налицо жестокий политический гнет как важная составная часть режима национального угнетения Европы под видом «нового порядка».

В не менее резких формах проявляется и экономический гнет, который распространяется в равной мере как на завоеванные и оккупированные страны, так и на территории «союзников». Экономический «новый порядок» основан на принципе, сформулированном Леем: «Высшая раса должна получать больше пищи, одежды и культуры, чем низшая раса». Согласно утверждению главного «теоретика» экономического «нового порядка» Функа, «экономика мирного времени должна будет гарантировать безопасность расширившемуся германскому государству и возможность максимального потребления для германского народа... европейская экономика должна быть направлена к этой цели».

Экономический гнет проявляется в самых различных видах. Прежде всего необходимо отметить колонизацию захваченных территорий немцами, сопутствуемую экспроприацией и выселением «туземцев». В Чехии изгоняется население целых деревень, как только в той или иной деревне поселится немецкая семья, что служит основанием для объявления этой деревни немецкой. Особенно больших размеров достигло выселение поляков из Западной Польши — из Познани, Верхней Силезии и бывшего лодзинского воеводства, т. е. областей, непосредственно включенных в состав германской империи. Число поляков, лишенных своей земли, достигает 1 500 000 чел. Уже в сентябре 1941 г. число немецких колонистов в Вартеланде достигло 200 тыс. человек, получивших 3 млн. га (в среднем по 60 га хозяйство) из 3,9 млн. га пахотной земли провинции Вартеланд. Согласно сообщению германского геополитического журнала «Раумфоршунг унд раумординунг» всего в Польше предполагается разместить от 3 до 4 млн. немцев.

«Судьба выселенных ужасна. Лиц, которые оказывают малейшее сопротивление при выселении, вешают на передвижных виселицах, которые затем провозятся по всему городу для устрашения населения. Выселяемых держали неделями в закрытых товарных вагонах, где они гибли от голода, холода и отвратительных санитарных условий. Когда эти измученные люди уже отправлялись в путь, когда они на железнодорожных станциях протягивали руки, выпрашивая кусок хлеба, немного воды, фашисты били прикладами по рукам, а всякого, кто пытался помочь этим несчастным, расстреливали на месте. После каждого такого переезда из вагонов вытаскивали горы трупов.

Те, кто выжил, были отправлены в различные районы так называемого «генерал-губернаторства». Здесь насильно переселенные поляки были брошены на произвол судьбы»[1].

Из присоединенной к Германии части Словении было выселено 60 тыс. словенов, а их земли и усадьбы переданы немецким колонистам.

Ограбление завоеванных стран проводится с помощью так называемой оккупационной марки, выпускаемой германским командованием и не имеющей хождения в самой Германии, — путем установления непомерно высокого курса марки в отношении валюты этих стран. На некоторые страны возложена огромная контрибуция под предлогом содержания оккупационной армии. Пять стран: Франция, Норвегия, Бельгия, Голландия и Дания, выплачивают Германии около 4 млрд. долларов в год. Наконец, во всех странах проводится принудительная беспощадная реквизиция продовольствия, военных материалов, вводятся принудительные поставки продовольствия крестьянами, производится поголовное изъятие теплых вещей любыми «узаконенными» и неузаконенными методами.

Систематически осуществляется захват германским капиталом основных позиций в экономике и, в частности,

---

[1] „Правда", № 193, 14 июля 1941 г.

промышленности как завоеванных стран, так и стран союзников либо путем прямого овладения промышленными предприятиями, отнимаемыми у их владельцев и передаваемыми немцам (это особенно широко практиковалось в Польше, где даже создано целое «Управление по учету, конфискации и перераспределению польских предприятий» и где в одной провинции Вартеланд по немецким официальным данным было отобрано 8500 предприятий из имевшихся 10500), либо путем получения контрольного пакета акций в тех или иных предприятиях. Таким образом концерн «Герман Геринг—Верке» завладел тяжелой промышленностью Австрии (Альпине Монтанверке, Штейрише Гуссштальверке), заводами Шкода в Чехо-Словакии, тяжелой промышленностью польской Верхней Силезии, крупнейшим угольным, металлургическим и машиностроительным концерном «Малакса» в Румынии, крупнейшими норвежскими железорудными копями в г. Му и крупнейшим в мире заводом по производству феррохрома, крупнейшим словацким чугунолитейным заводом в Подбрезове, стал участником заводов Шнейдер-Крезо во Франции и лотарингской металлургии, крупнейших болгарских фабрик и заводов и т. д. Трест «Фарбениндустри» завладел химической промышленностью ряда стран.

Целью экономического «нового порядка» является концентрация всей европейской промышленности в Германии и аграризация всей остальной Европы. Помимо экономической цели она преследует также и военно-политическую: аграризованная Европа не сможет в будущем создать военную машину, опасную для германского господства. Искусственная деиндустриализация европейских стран проводится путем ликвидации промышленных предприятий, ненужных для целей нынешней войны, под видом более «рационального» разделения труда, специализации районов и т. д. Эта политика нашла свое выражение в заявлении бывшего германского посланника в Югославии фон-Хеерена:

«Фюрер считает, что сельскохозяйственная Югославия,

как и все славянские страны, должна выращивать хлеб, разводить скот и строить пищевую промышленность, преимущественно мельницы, бэконные фабрики, обеспечивая продуктами питания промышленную Германию».

«Юго-восточная Европа,— изрекает издаваемая в Афинах немецкая газета «Дейче нахрихтен фюр Грихенланд»,— будет сферой производства сельскохозяйственных продуктов и источником рабочей силы для Германии... В новой Европе речь идет о том, чтобы крестьянин,— будь то серб, грек, болгарин или румын,— обрабатывал землю и чтобы его труд давал как можно больше ценностей для развития и процветания Центральной Европы»[1]

Требованием «интенсификации» сельского хозяйства прикрывается принудительное навязывание германского руководства в сельском хозяйстве и передача земли германским помещикам и кулакам. Гитлеровцы доказывают, что никто помимо германских «специалистов» не может обеспечить подъем сельского хозяйства. Недаром в программе Гитлера записано, что в восточной Европе крупным землевладельцем может быть только немец, а славянин — лишь его батраком. Так, чудовищные массовые выселения польских крестьян из западной Польши мотивировались тем, что «поляки плохо ведут свое хозяйство». Ликвидация европейской промышленности идет полным ходом. Во Франции руками своего послушного лакея Лаваля немцы закрыли до 8000 предприятий. В Норвегии закрыты все текстильные, швейные и кожевенные фабрики и все предприятия деревообрабатывающей промышленности. Широко практикуется также вывоз промышленного оборудования в Германию.

Аграризированные страны вынуждены покупать по непомерно высоким ценам плохонькие германские промтоварные «эрзацы». Этот неэквивалентный обмен должен служить основой экономического «нового порядка».

Эксплоатация завоеванных стран и союзников про-

---

[1] „Известия“ № 192, 15 августа 1941 г.

водится также путем принудительного импортирования рабочей силы из этих стран в Германию, превращенную в огромный невольничий рынок. Ликвидация промышленности в странах Европы призвана облегчить массовую отправку иностранных рабочих на германскую каторгу.

Чудовищный национальный гнет проявляется с неменьшей силой и в области культуры. Проводится принудительно-насильственное онемечивание покоренных в первую очередь славянских народов. В дело культурного подавления национал-социализм внес новые «оригинальные» моменты. Он выступает против политики германизации (в обычном старом смысле), которая ставила своей задачей превращение поляков, евреев и т. д. в немцев. Гитлеризм не желает, чтобы поляки, чехи или евреи, став немцами, приобщились к господствующей германской национальности. Он резко критикует кайзера Вильгельма, который вместо того, чтобы уничтожить поляков — их германизировал. Цель Гитлера — путем подавления национальной культуры порабощенных народов и принудительного навязывания им немецкого языка при сохранении в силе непереходимых расовых граней между народом господ и его рабами — добиться полной культурной деградации порабощенных народов, низвести их языки до уровня «простонародных» нелитературных диалектов, уничтожить тот источник национального самосознания и сопротивляемости захватчикам, который кроется в существовании и развитии национальной культуры, языка, литературы, искусства, науки. Гитлеровцы намереваются привить порабощенным народам сознание своего «ничтожества» по сравнению с германскими господами. Фашизм хочет превратить покоренные народы в рабов, примирившихся со своей рабской долей и не мечтающих о лучшей участи, принимающих свою судьбу как должное и неизбежное. Подавление национальной культуры должно ликвидировать субъективные предпосылки восстания рабов. Эта политика фашизма нашла свое выражение в ответе наместника Грейзера депутации польских родителей, ходатайствовавших об открытии в Позна-

ни польской средней школы. «Для того, чтобы копать картофель и подметать улицы, нет надобности в среднем образовании, а это единственные работы, которые будут оставлены для поляков».

Практически культурный гнет нашел свое выражение в таких фактах, как закрытие университетов в Польше, Чехо-Словакии, Голландии, в закрытии огромного количества средних школ и ликвидации литературной, театральной и научной жизни в Польше и т. д. Польская печать ликвидирована полностью. В Голландии из 810 газет закрыто 600. В ограниченном количестве открываются немецкие школы для поляков и чехов в целях выращивания немецкой агентуры в местном населении. Для этой цели составляются особые списки лиц «подходящих для онемечения», которые и подвергаются соответствующему «перевоспитанию». В общие немецкие школы славяне, как «низшая раса», не допускаются. Даже в отношении «равноправного» союзника — Италии — проводится требование «объединения воспитания по обе стороны Альп». (Заявление прусского министра просвещения Руста.)

Национальная школа, особенно высшая, рассматривается гитлеровцами, и не без основания, как очаг крамолы, рассадник идеи сопротивления гитлеровскому порядку. Гонения на национальную культуру принимают формы свирепого преследования интеллигенции, переходящего в физическое истребление или жестокое истязание учителей, врачей, адвокатов, профессоров, а в ряде случаев также и священников. Неслыханные акты вандализма и поругания национальных и мировых культурных ценностей, совершенные фашистами на временно оккупированных советских территориях — Ясной Поляне, Клину, Истре и т. д., вызывают негодование во всем мире.

«Особенностью» национальной политики гитлеризма является то, что эта политика ставит своей задачей не только порабощение угнетенных наций и их эксплоатацию, но и максимальное их истребление, преследующее две цели: во-первых, очистить площадь для германской колонизации

и, во-вторых, «улучшить» численное соотношение господ и рабов в пользу первых. Гитлер подчеркивает что плодовитость славян представляет для туго размножающейся «нордической» расы огромную опасность. Эта плодовитость должна быть обязательно остановлена любыми средствами. Истребление славян — русских, украинцев, белорусов, сербов, поляков, чехов и т. д.— рассматривается Гитлером как важнейшее условие мирового господства Германии.

На практике истребление покоренных «туземцев» проводится самыми многообразными методами. Бомбардировка и обстрелы мирного населения во время военных действий в городах и на дорогах, казни, истязания в концлагерях и тюрьмах, беспощадное выкачивание продовольствия, голодный паек, означающий на деле медленную смерть, запрещение покупать те или иные продукты вообще или до удовлетворения ими немцев, использование союзников в качестве убойного скота, бросаемого в огонь в неограниченном количестве,— таковы методы прямого физического истребления народов.

«Множество сынов и дочерей польского народа перебито немцами. Захватив Варшаву, фашисты сбрасывали в Вислу тысячи женщин и детей, разбивали головы грудным младенцам. Карательные отряды уничтожали по всей стране не только тех, кто боролся против германских фашистов, но и тех, кто участвовал в борьбе за освобождение Польши из-под германского ига в 1918—1920 гг.

Жуткая расправа была учинена в Кошане, в Гнезно, в Быдгоще, в Лешно, в Шреме, в Ольстене и в десятках других пунктов. Выжигались целые села, а население их поголовно истреблялось. Самые утонченные пытки, перед которыми бледнеют зверства инквизиторов средневековья, ознаменовали путь этих устроителей «нового порядка»[1]. В Чехо-Словакии, в ответ на убийство кровавого протектора Гейдриха, были снесены с лица земли местечки Ле-

[1] Большевик № 13, 1941 г., стр. 14—15.

щаки и Либице: мужчины были расстреляны, женщины заключены в концлагери, а названия местечек были вычеркнуты из списка населенных пунктов.

Вся территория Сербии усеяна виселицами — свидетелями зверской расправы над сербскими патриотами. Страшный голод, царящий в Греции, уносит ежедневно сотни и тысячи жертв.

«В... городах, разрушенных фашистами, на тротуарах и мостовых лежат тысячи несчастных людей, почти потерявших от голода и истощения способность двигаться. Все они обречены на смерть... время от времени по городу проезжают грузовики, в которых раньше возили мусор, и специальные рабочие подбирают на улицах трупы и бросают их за высокие борты этих машин»[1]. Такие же картины голода наблюдаются в Польше, Югославии. Страны с высокоразвитым сельским хозяйством, как Дания и Голландия, опустошены. Немногим лучше участь «союзников». Венгрия и Румыния, некогда житницы Европы, посажены на голодный паек, а в Финляндии, по свидетельству шведской газеты «Худнсвальс Нюхетер»: «царит настоящий голод... Рождество 1941 г. финны встречали, не имея куска хлеба и даже соленой рыбы».

Наряду с этим применяются особые методы «сокращения плодовитости» в виде стерилизации молодых мужчин и женщин под самыми различными предлогами (особенно широко применяется в Польше, а также в Чехии). В беседах с Раушнингом Гитлер предлагал особо утонченный метод для достижения этой цели, а именно отделение в течение длительного времени мужчин от женщин. Этот результат достигается путем массового импортирования рабочей силы в Германию, массовыми заключениями в концентрационные лагери, отдачей женщин в публичные дома и т. д.

Итак, «новый порядок» в Европе представляет собой возведенный в систему и доведенный до небывалых раз-

---

[1] „Известия" № 9, 11 января 1942 г.

меров национальный гнет, проявляющийся как в политической, так и в экономической и культурной областях и в формах чудовищного террора, принимающего характер массового физического истребления народов. Если условия военного времени — нужда в людских резервах союзников, необходимость ослабления сопротивления оккупированных стран и использования их военной промышленности — и вызывают необходимость в некоторой маскировке этого гнета болтовней о «новом порядке», то не может быть никакого сомнения в том, что победа гитлеровской Германии в войне повлекла бы за собой установление в полном объеме того режима «тотального» рабства, который Гитлер нарисовал в тайных беседах со своими клевретами.

***

Особое место в анналах фашистского варварства занимают гонения против евреев. Путь фашизма по Европе ознаменован повсеместными погромами, десятками, и сотнями тысяч замученных и убитых евреев, арийским законодательством, экономически удушающим евреев, закрывающим перед ними возможность занятия какой-либо экономической деятельностью и тем самым лишающим их права на жизнь, унизительными социально-бытовыми ограничениями, восстановлением средневековых гетто и отличительных знаков, запрещением смешанных браков и т. п. В арсенале фашистской демагогии травля евреев занимает большое место. Евреев отождествляют то с крупным капиталом, то с «разрушительным» марксизмом, то с буржуазным либерализмом, то с пролетарским коммунизмом в зависимости от того, на какую аудиторию в каждом случае рассчитана эта демагогическая стряпня.

Антисемитизм был нужен фашизму как средство отвлечь народные массы от борьбы против правящего монополистического капитала Германии. И в своей внешней агрессии гитлеризм пытается широко использовать антисемитизм. Гитлер изображает себя «освободителем» народов

от мифического «еврейского владычества», под прикрытием этого чудовищного обмана надевая на них тяжелые оковы «нового порядка». На мировом антисемитском конгрессе, созванном фашистами во Франкфурте в 1940 г., Розенберг выступил с бессмысленным заявлением о том, что единственной целью войны является «разрешение» еврейского вопроса. Получается, что Гитлер уложил миллионы немцев лишь с единственной «альтруистической» целью — облагодетельствовать другие народы ликвидацией «еврейского влияния» и освободить мир от козней пресловутых «сионских мудрецов».

Так, под видом борьбы с «еврейским господством» Гитлер устанавливает свое господство над европейскими народами. Под лозунгом «изгнания евреев из хозяйственной жизни» и «аризации» проводится захват предприятий, заводов, банков, фабрик и т. д. германским капиталом.

Однако антисемитская демагогия за пределами Германии не дает желанных результатов. Не так-то легко навязать народам режим чудовищного порабощения под видом их «освобождения». Гитлеризм раскрыл перед всем миром лицо антисемитизма как человеконенавистнического каннибальского движения, направленного по сути дела против всех народов, против всего человечества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Национальный вопрос играл большую роль в период подготовки войны, приобрел первостепенную важность в период самой войны и будет иметь серьезное значение по окончании войны, после разгрома гитлеризма, в период организации мира в Европе и во всем мире.

В период подготовки войны национальные моменты усиленно эксплоатировались германским империализмом. Гитлеровская спекуляция на национальном вопросе в этот период преследует цель: 1) завоевания массовой поддержки в германском народе; 2) ослабления и расшатывания из-

нутри соседних государств, стоящих на пути гитлеровской экспансии; 3) обеспечения военного плацдарма под видом «собирания» немецких земель; 4) усыпления бдительности других государств демонстрированием, якобы, чисто национальных и ограниченных целей национал-социализма.

Методами этой спекуляции были: борьба против Версаля, присоединение земель с немецким населением, непрерывная шумиха вокруг «угнетенных» немецких национальных меньшинств, поддержка ревизионизма, сепаратизма и ирредентизма в любой части Европы. Германский фашизм спекулировал на национальном вопросе, на своей роли «собирателя» немецких земель и борца против «версальской несправедливости» и под видом «покровительства» национальным движениям хорватов, словаков, венгров и т. д., насаждал в европейских странах свою пятую колонну. Наличие отдельных частных неразрешенных национальных проблем в Европе было весьма на-руку фашизму.

В период войны германский фашизм пытается еще продолжать свою спекуляцию на национальном вопросе, но безудержные захваты и кровавый террористический режим гитлеризма полностью раскрывают его настоящее империалистическое лицо. Гитлеровские захваты приводят к небывалому расширению и углублению национального гнета, с особой силой проявляющемуся в оккупированных странах — Польше, Югославии, Чехо-Словакии, Норвегии, Бельгии, Голландии, Греции и т. д. Образование «независимой» Хорватии и Словакии и территориальные приращения Венгрии и Болгарии, изображаемые как «разрешение» национального вопроса, были лишь формой национального закабаления хорватов и словаков, венгров и болгар. Они привели к созданию новых очагов национального гнета внутри этих государств, к росту национальных разногласий и антагонизмов, к усилению межнациональной драки, к полному политическому и экономическому закабалению народов и полной гибели независимости государств, получивших территориальные подачки из окровавленных рук палача Европы.

Наряду с основным противоречием между Германией, с одной стороны, и порабощенными ею народами, с другой, обостряются противоречия между самими вассалами Германии на почве неразрешенных вопросов о границах, меньшинствах и т. д. В лагере гитлеровской коалиции появляются различные враждебные друг другу группировки (например, румыно-словацкая против болгаро-венгерской). Раздуваемые вначале самим Гитлером в интересах укрепления своего господства, эти противоречия начинают подтачивать изнутри гитлеровский «новый порядок». Чем меньше может Гитлер кинуть своим вассалам и чем больше он от них требует, тем сильнее стремление вассалов отыграться за счет своих же «союзников».

Все это приводит к тому, что национальные моменты теперь полностью оборачиваются против гитлеризма, становятся мощным фактором в деле разгрома гитлеровской Германии. Отдельные национальные проблемы отходят на задний план, либо становятся составной частью общеевропейской национальной проблемы: освобождения Европы от национального и колониального угнетения ее гитлеровской Германией.

«Новый порядок» превращает завоеванную Европу в колонию гитлеровской Германии, низводя европейские народы до или даже ниже уровня колониальных кули. Национально-колониальный гнет в размерах, ранее невиданных и неслыханных,— таков режим, устанавливаемый в Европе фашистской «высшей» расой.

Ленин, полемизируя со своими противниками, приписывавшими империализму стремление завладения одними лишь аграрными странами, писал: «Для империализма характерно как раз стремление к аннектированию не только аграрных областей, а даже самых промышленных (германские аппетиты на счет Бельгии, французские на счет Лотарингии)»[1].

Это замечание Ленина как нельзя больше оправдывается

[1] Ленин, том XIX, стр. 144.

всей последующей историей Европы и, в первую очередь, историей фашизма, представляющего собою самую варварскую, самую хищническую, самую оголенную форму империализма. Германский фашизм с самого начала поставил в качестве первой своей задачи захват и закабаление Европы. Именно европейские страны были первыми его жертвами, первыми объектами его нападения и безжалостного насилия. Это объяснялось тем, что в своей борьбе за мировое господство империалистическая гитлеровская клика хочет располагать европейским пространством в качестве военно-стратегического и экономического плацдарма. Это вытекало также из плана разрешения внутренних трудностей германского капитализма путем колонизации Восточной Европы. И вот старая, цивилизованная Европа становится ареной чудовищного национального гнета. Ее культурные народы стонут под сапогом неумолимого захватчика, превращены в колониальных рабов; по улицам ее городов — центров великой старинной культуры — и по возделанным нивам несутся с диким ревом и улюлюканьем коричневые орды новых варваров, грабя, убивая, разрушая все на своем пути.

Безудержная агрессия германского фашизма поставила перед народами Европы вопрос — быть или не быть, вопрос о борьбе за свое существование, за свою национальную независимость, за сохранение своих элементарных национальных прав. Казалось, давно решенные национальные проблемы вновь встают в порядок дня. Результаты развития Европы в течение столетий, приведшего к образованию ряда наций и национальных государств, оказываются под угрозой гибели. «Новый порядок» грозит оставить от этих национальных государств лишь одно огромное, грязнокоричневое пятно.

Образование крупной хозяйственной территории, преодолевающей рамки национальных государств, могло бы иметь прогрессивное значение, но лишь при условии гарантирования в рамках этой территории суверенитета и свободного национального экономического и культурного развития каждой национальности. Только при этом условии может

дать свои плоды крупное политико-хозяйственное образование. Можно не сомневаться в том, что устранение гитлеровской угрозы национальному существованию малых народов создает необходимые условия для добровольного объединения отдельных национальных государств Европы в более крупные хозяйственные образования.

Но когда подобное образование означает на деле ограбление всех частей в пользу одной центральной части, их деиндустриализацию, торможение их развития, снижение их жизненного уровня, культурную деградацию и истребление значительной части населения, то говорить о какой-либо прогрессивной роли такого образования — значило бы употреблять это выражение для обозначения чего-то диаметрально противоположного его прямому смыслу. Подобный порядок может означать только одичание и запустение великой старой Европы, ее культурных народов, в том числе и германской нации. Ликвидацией государственности, промышленности, культуры и языка фашизм по существу стремится ликвидировать и самые нации как исторически сложившиеся территориальные, экономические, языковые и культурные общности. Фашизм пытается превратить русскую, украинскую, белорусскую и все нации в массу рабов без роду и племени, утративших сознание своего национального «я», ценности своей культуры, языка и истории, чувство законной национальной гордости и достоинства, переставших сознавать несоответствие между своим прошлым и настоящим, лишенных стимула к борьбе за лучшее будущее.

Но все это предопределяет с небходимостью глубочайшие противоречия, разъедающие самую сердцевину «нового порядка». Политика уничтожения, ограбления и эксплоатации не может не вызывать сопротивления со стороны уничтожаемых, ограбляемых и эксплоатируемых, не может не стимулировать их борьбы против всей системы «нового порядка», не может не способствовать подъему мощного национально-освободительного движения среди всех народов, направленного против германского фашизма.

Война против фашизма при всех условиях имеет характер национальной войны, ибо это — война народов за свое национальное существование, за свою независимость, которым угрожает фашизм.

Великая национальная отечественная война народов СССР сливается с национальной войной Англии и США и с национально-освободительной борьбой народов континентальной Европы против германского фашизма, ставит одной из своих основных задач — уничтожение «нового порядка в Европе».

Мощная волна национально-освободительной борьбы в настоящее время охватила все страны Европы, порабощенные фашизмом. Эта борьба принимает самые различные формы. В Югославии, Северной Норвегии, Польше — не говоря о временно захваченных советских районах, она ведется в виде широкой партизанской войны против фашистских захватчиков. Из всех оккупированных стран всякими способами пробираются люди в страны антигитлеровской коалиции, организуя там свои национальные воинские части. Польские, чешские, норвежские, греческие, голландские, французские сухопутные, морские и воздушные части представляют внушительную силу в рядах антигитлеровской армии. Во всех оккупированных странах учащаются вооруженные нападения на немецких солдат, офицеров, чиновников и их сообщников — квислингов. Весьма важной формой борьбы против захватчиков является саботаж в военной промышленности, диверсионные акты, направленные против предприятий, военных складов, воинских поездов, уничтожение крестьянами своего урожая, скота и т. д. Фашистская политика способствует установлению внутри каждой страны подлинного национального единения, всенародного антифашистского фронта. Передовые антифашисты возглавляют эту борьбу, добиваясь изживания сохранившихся кое-где выжидательных настроений и максимального развертывания высшей формы этой борьбы — всенародной партизанской войны против оккупантов.

Повсюду происходит организация и собирание сил для

решительной схватки с фашистскими угнетателями. Все это означает, что «прогрессивно растет изоляция итало-германской коалиции и иссякание ее морально-политических резервов в Европе, растет ее разложение и ослабление» (Сталин). Свирепый террор гестапо не способен подавить эти движения и остановить их неуклонный рост. Так осуществляются слова товарища Сталина, сказанные в самом начале войны: «Наша война за свободу нашего отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы».[1]

Трудно переоценить значение национально-освободительной борьбы угнетенных народов против гитлеровской Германии. О непосредственном значении этого фактора говорят такие события, как заключение СССР военного союза с Польшей и Чехо-Словакией. Борьба угнетенных народов приковывает значительное число германских дивизий, уменьшает военный потенциал Германии, ослабляет ее нажим на Восточном фронте, расшатывает ее тыл, нарушает работу ее военной машины, ускоряет ее гибель. Упорное сопротивление, оказанное героической Красной Армией гитлеровскому нашествию, разгром немцев на ряде участков фронта зимой 1941 г., провал планов разгрома СССР в течение летней кампании 1942 г., предстоящая активизация союзников на Западе — вдохновляют угнетенные народы к дальнейшей борьбе против гитлеровских захватчиков, открывают перед народами порабощенных гитлеризмом стран перспективу близкого освобождения от фашизма.

Гитлеровские захватчики, посеявшие повсюду рабство и гнет, пожали повсеместную ненависть и неутолимую жажду мести порабощенных, но не покоренных народов. И уже сейчас трепещут фашистские главари и их пособники, предчувствуя надвигающуюся с неизбежностью справедливую и страшную для них расплату.

Народы мира даже за короткий период господства германского фашизма в оккупированных странах получили

---

[1] Сталин. Выступление по радио 3 июля 1941 г.

возможность убедиться в том, что только разгром Германии и создание прочной гарантии неповторения германской агрессии обеспечат необходимые условия и предпосылки для подлинного разрешения национального вопроса.

Правильное разрешение национального вопроса является одной из важнейших составных частей будущего устройства Европы. Такое разрешение национального вопроса должно быть обеспечено независимо от социального строя, выбор и установление которого является внутренним делом каждой страны. Разумеется, полный и подлинный национальный мир возможен лишь при таком строе, в котором уничтожена эксплоатация и частная собственность на орудия производства. Однако и в условиях капитализма,— как учили Ленин и Сталин,— возможно сведение национальных трений и антагонизмов к минимуму.

Основные черты будущей организации мира уже намечены в ряде выступлений тов. Сталина, как-то: в докладах товарища Сталина о XXIV и XXV годовщинах Великой Октябрьской Социалистической Революции и в приказе Наркома Обороны к 24-й годовщине Красной Армии от 23 февраля 1942 г., далее в ряде международных актов, которые были подписаны Советским Союзом или подтверждены им, как-то: декларация Рузвельта — Черчилля (атлантическая хартия), декларация Сталина — Сикорского (декларация Советского Союза и Польской Республики о дружбе и взаимопомощи), представляющих вклад огромной важности в международное право будущего, и в англо-советском договоре о союзе и взаимной помощи после войны от 26 мая 1942 г.

Основная задача будущего устройства Европы и всего мира будет заключаться в предотвращении возможности повторения международной ситуации, поставившей весь земной шар на грань ужасающей катастрофы. Этой задаче будут подчинены все основные мероприятия победоносной антигитлеровской коалиции, которые могут быть сведены к следующим моментам:

1. СССР и Англия не стремятся к территориальным при-

обретениям для самих себя. В новой Европе будет обеспечена национальная государственность народов в пределах их национальных границ. Территориальные изменения после войны должны находиться в согласии с свободно выраженным желанием заинтересованных народов. Суверенные права народов, попранные фашизмом, должны быть вновь восстановлены. Внутри европейских государств должно быть обеспечено равноправие национальностей и рас. Расовая исключительность будет уничтожена. Потерпевшим нациям будет оказана экономическая помощь и содействие в деле достижения материального благополучия. Будут восстановлены демократические права народов.

2. Славянским народам, веками испытывавшим на себе гнет и агрессию тевтонства, будет обеспечена навсегда государственная независимость, национальная безопасность и возможность добровольного объединения в более крупные государственные организации и союзы.

3. При этом не будет допущено вмешательство во внутренние дела народов, навязывание им того или иного режима. Каждая нация имеет право устраиваться по своему желанию. «У нас нет и не может быть таких целей войны, как навязывание своей воли и своего режима славянским и другим порабощенным народам Европы, ждущим от нас помощи. Наша цель состоит в том, чтобы помочь этим народам в их освободительной борьбе против гитлеровской тирании и потом предоставить им вполне свободно устроиться на своей земле так, как они хотят. Никакого вмешательства во внутренние дела других народов!»[1]

4. Война сломит силу агрессии, а будущий мир должен гарантировать в дальнейшем реальную невозможность ее возрождения. Виновники войны, преступники, ввергшие мир в пучину неисчислимых бедствий, понесут заслуженную кару. Гитлеровское государство и гитлеровская армия

---

[1] Сталин. Доклад на торжественном заседании Моссовета 6 ноября 1941 г.

будут уничтожены. Это внесет необходимый коррективв при определении границ государств, несущих ответственность за войну, и их международного положения. Это потребует принятия особых и чрезвычайных мер, ибо, согласно замечанию одного из героев Шекспира,— «Серьезные основания вынуждают к серьезным действиям».

Этот корректив и эти мероприятия будут тем более оправданы, что именно устранение самой возможности фашистской агрессии, использующей национальные моменты в своих интересах, уничтожение гитлеровского государства и его вдохновителей только и может обеспечить те условия, без которых немыслимо установление национального мира и разрешение национального вопроса ни в одном уголке Европы, и ни в одной части земного шара.

5. Реальной гарантией безопасности народов и неповторения агрессии будет объединение демократических стран в прочный союз, способный к «общим действиям в послевоенный период в целях сохранения мира и сопротивления агрессии» (из англо-советского договора) и создание международной коллективной вооруженной силы союзных народов, подчиненной высшему органу этого союза.

Итак, правильное разрешение национального вопроса, диаметрально противоположное гитлеровскому кабальному «новому порядку», основанному на беспримерном национальном гнете, и превратившему Европу в тюрьму народов, является необходимым элементом будущего устойчивого мира.

В деле будущей организации мира — СССР, выносящий на своих плечах основную тяжесть войны против гитлеризма, внесший наиболее значительный вклад в дело освобождения человечества, нанесший наиболее чувствительные и наиболее сокрушительные удары военной машине гитлеризма,— скажет свое веское слово самого последовательного поборника свободы и прав народов и самого непримиримого и неукротимого врага фашистской агрессии.

EB_1943_AKS_896

ОГЛАВЛЕНИЕ

Значение национального вопроса в освободительной войне против гитлеровской Германии 3
Общая характеристика национального вопроса в Европе . . . 10
Спекуляция гитлеризма на национальном вопросе 20
Националистическая демагогия гитлеризма . . . . . —
Использование венгерского ревизионизма 28
Спекуляция на словацком вопросе 32
Расчленение Югославии 35
Использование болгарского ревизионизма 40
Бретонская, фламандская, ирландская проблемы 43
Подрывная деятельность гитлеровцев на Ближнем Востоке 48
„Теории" национального и расового гнета и истребления народов 53
Гитлеровский „новый порядок" — рабовладельческий порядок, основанный на чудовищном национальном гнете 67
Практика германского фашизма как носителя беспощадного национального угнетения 73
Заключение 89

БИБЛИОТЕКА
Акад. Наук СССР
Отд. Особ. Фонд

1 р. 50 к.

3005 Ак
523